БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 5 МАЙ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

947.005
BY
no. 5-6
cop. 2

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Неизданное стихотвореніе **М. Ю. Лермонтова** 1
2. Къ біографіи Вѣры Николаевны Фигнеръ. 3
3. Страница изъ воспоминаній **А. А. Спандони**. 14
4. Въ неволѣ. Воспоминанія. **И. С. Джабадари**. 39
5. Побѣгъ Алеши Поповича. **М. Ф. Фроленко** 67
6. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. *(По неизданнымъ источникамъ)*. **М. К. Лемке**. Окончаніе 77
7. Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. **М. Н. Чернышевскаго**. 131
8. Къ событію 1 марта 1881 года. **А. В. Тыркова**. . . . 141
9. Воспоминанія студента-солдата. **Л. С.** 163
10. Послѣдній день Каляева. **N. N.** 186
11. Къ исторіи «Петрашевцевъ». *(Сочиненіе Григорьева, «Солдатская Бесѣда»)*. 191
12. Императоръ Николай I—тюремщикъ декабристовъ. **П. Е. Щеголева** 195
13. Далекое и Недавнее. Воспоминанія изъ жизни революціонеровъ 1878—1881 г. **О. С. Любатовичъ**. 208
14. Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Окончаніе. **Н. П. Сильванскаго** 248
15. Антонъ Антоновичъ Костюшко-Валюженичъ. *(Воспоминія)*. **О. Г.** 273
16. Мартынъ Лангансъ. *(Изъ воспоминаній)*. **С. Ф. Русовой**. 278
17. Историческая библіографія. (**П. И. Пестель**. Руская Правда.—**В. Акимовъ** (*Махновецъ*). Очерки развитія со-

Slavic 28811.69

стр.

ціалъ-демократіи въ Россіи.—**Бѣлинскій.** Письмо къ Гоголю и **И. С. Тургеневъ.** Порогъ.—**Эмма.** Романъ **Швейцара**). 284

18. Отъ Шлиссельбургскаго Комитета 300

19. Современная Лѣтопись 304

29. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** Къ эпилогу заговора И. И. Сухинова. Обрядъ казни—37. Кара за любовь къ родинѣ. (Дѣла Сынека и Биронта 1882 г.)—63. Письмо А. А. Дельвига А. С. Пушкину—139. Посланіе М. И. Михайлову. П. Л. Лаврова—185. Бакунинскіе цареубійцы—246. Крестьянскія воспоминанія о Пестелѣ—271.

Въ этой книгѣ помѣщены портреты В. Н. Фигнеръ, И. П. Каляева, С. М. Кравчинскаго, А. А. Костюшко-Валюженича, М. Р. Ланганса и видъ Вилюйской тюрьмы, въ которой былъ заключенъ Чернышевскій.

Далекое и Недавнее.

Воспоминанія изъ жизни революціонеровъ 1878—81 г. г.

(Посвящается памяти С. М. Кравчинскаго).

Смерть Сергѣя Кравчинскаго. «Смерть русскаго преступника»—такъ озаглавлено коротенькое извѣстіе изъ англійскихъ газетъ, которое сегодня (29 декабря 1895 г.) невольно бросилось мнѣ въ глаза, когда я по привычкѣ просматривала газету «Кавказъ». Какое-то предчувствіе сжало мнѣ сердце, я нетерпѣливо стала искать имя... да, вотъ оно переиначенное, но давно знакомое имя человѣка, бывшаго когда-то однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей и память о которомъ остается и до сихъ поръ однимъ изъ отраднѣйшихъ воспоминаній далекой молодости. Степнякъ Крачковскій, такъ называетъ его газета,—Сергѣй Кравчинскій, мой старый другъ и братъ, неужели это ты... Страшно, мучительно страшно вѣрить, что какая-то слѣпая случайность порвала навсегда твои узы съ землей, съ этой неблагодарной землей, которая при всемъ просторѣ ея была для насъ только тюрьмой. Газета называетъ тебя преступникомъ за то, что ты когда то убилъ одного человѣка, забывая, что этотъ человѣкъ убивалъ медленной пыткой тысячи людей, изъ коихъ многіе были твоими друзьями. Да, съ христіанской точки зрѣнія убійство преступно, но оно одинаково преступно и для власть имущихъ; убійство за убійство, смерть за смерть, вотъ пока завѣтъ правящихъ — но когда сердце человѣка, простого гражданина не облеченнаго властью, возмущается цѣпью легальныхъ убійствъ и мститъ кровью за кровь, ему кричатъ—«преступникъ». Вотъ эпитафія близорукой толпы надъ твоей безвременной могилой—горе побѣжденному, для толпы онъ всегда преступникъ. Но тебя, заклейменнаго этимъ именемъ самодовольной толпы, я знала какъ человѣка добраго, самоотверженнаго и прекраснаго.

Одаренный необыкновенными способностями, горячей душой и пылкой фантазіей, ты могъ скорѣе, чѣмъ другіе въ этой толпѣ, занять крупное мѣсто, идя по торной дорогѣ; но еще очень молодымъ офицеромъ, ты съ презрѣніемъ сбросилъ мундиръ, забывая всѣ его привилегіи, о которыхъ всегда хорошо помнятъ остальные честолюбцы и политическіе интриганы. Не власти надъ людьми искалъ ты, она передъ тобой сама собой открывалась, ты жаждалъ жертвоприношенія, подвига, настоящаго христіанскаго подвига въ защиту малыхъ сихъ. Въ вопросахъ вѣры ты былъ теоретически скептикомъ, но вѣра безсознательно жила въ твоей душѣ, управляла твоимъ чувствомъ и жизнью. Не свое я помѣстилъ ты на алтарь низверженнаго божества, какъ это дѣлаютъ истинные скептики и невѣрующіе, а человѣ-

чество въ его высшемъ идеальнѣйшемъ представленіи; этому божеству, этой мечтѣ ты принесъ въ жертву всего себя, всѣ свои силы, всю свою жизнь. Ты не ждалъ награды ни въ земной, ни въ загробной жизни, ты жаждалъ лишь раздробить хоть одно звено тѣхъ цѣпей, которыя сковывали и сковываютъ твое божество, а для себя ты мирился со всѣмъ, даже съ цѣпями каторжника и эшафотомъ. Въ этомъ сказался цѣлый забытый тобою, подлинный рядъ предковъ, воспитанныхъ въ завѣтахъ Христа: вочеловѣчившееся божество, искупляющее страданьемъ грѣхи міра—вотъ тотъ идеалъ, которому безсознательно подражалъ ты, и если, подобно апостолу Петру, ты обнажилъ мечъ, когда «слуги міра» терзали твое божество, когда на твоихъ глазахъ вѣшали мужчинъ и въ тюремныхъ застѣнкахъ подвергали позорнымъ насиліямъ женщинъ, кто можетъ бросить за это камень въ тебя. Не за свои страданья, не за свои оскорбленія мстилъ ты, судьба спасала тебя отъ нихъ, но «за други своя»...

А какимъ хорошимъ вѣрнымъ другомъ былъ ты, это я испытала сама. Никогда не изгладится изъ моей памяти наша первая встрѣча. Это было въ первыхъ числахъ августа, того приснопамятнаго 1878 года, когда громы Плевненскихъ пушекъ заглушилъ вдругъ одинъ слабый звукъ выстрѣла Вѣры Засуличъ, и съ кровью нашихъ солдатъ, сложившихъ головы на Балканахъ, съ кровью первыхъ политическихъ казней на югѣ (казнь Ковальскаго) смѣшалась кровь главы домашнихъ опричниковъ, кровь генерала Мезенцева. Я тогда только что вырвалась изъ Сибирскаго плѣна—бѣжала изъ ссылки куда глаза глядятъ, лишь бы избавиться отъ позорной неволи, гдѣ я, въ то время молодая дѣвушка, очутилась вдругъ одна одинешенька въ положеніи безправной рабыни. Какъ я добралась до Петербурга въ такое смутное время, мнѣ и самой кажется невѣроятнымъ, помню только, что, ступивъ свободной ногой на камни Петербургской мостовой, я впервые задала себѣ вопросъ—куда же я дѣнусь. Въ карманѣ у меня оставалось всего на всего нѣсколько копѣекъ, и въ рукахъ никакого багажа и ни одного адреса, куда я могла бы зайти. Такъ стояла я въ раздумьи на дебаркадерѣ желѣзной дороги и не замѣчала, что на вокзалѣ и на улицахъ происходило какое то необыкновенное движеніе. Толпа какъ-то глухо волновалась. «Убитъ, наповалъ убитъ», донеслось до меня... я подняла голову и въ недоумѣніи оглянулась; въ это время ко мнѣ приблизилась какая то пожилая женщина, одѣтая по мѣщански и засматривая мнѣ въ лицо, слащавымъ голосомъ стала спрашивать, гдѣ я думаю остановиться и есть ли у меня родные; я отвѣчала, что родныхъ у меня нѣтъ и я не знаю еще гдѣ остановлюсь, потому что не знаю города. Женщина еще разъ оглядѣла меня и вкрадчиво предложила остановиться у нея въ номерахъ—номера-де дешевые и хорошіе. Взглядъ и обращеніе этой женщины мнѣ не понравились, но я такъ была безпріютна, что съ радостью согласилась на ея предложеніе, видя въ немъ спа-

сеніе, быть можетъ, посланное мнѣ судьбой. Дорогой, бесѣдуя о томъ, какъ нынче трудно жить въ столицѣ, она сообщила мнѣ между прочимъ, что сегодня утромъ какой то злоумышленникъ убилъ на улицѣ шефа жандармовъ. Я вздрогнула, это еще больше осложняло мое положеніе—ища убійцу, могутъ случайно поймать и меня.

И такъ, я очутилась въ Петербургѣ 4-го августа, какъ разъ въ день убійства Мезенцева... Найду ли я кого нибудь изъ своихъ бывшихъ товарищей, вотъ вопросъ, который поглощалъ въ то время все мое существо. Хозяйка тѣмъ временемъ ввела меня въ грязный полутемный номеръ и подала самоваръ, а на послѣднія 5 коп. я купила хлѣба. Чаю у меня не было и, запивъ хлѣбъ горячей водой, я вышла бродить по Петербургу. Цѣлыхъ три дня бродила я по этому дѣйствительно незнакомому мнѣ въ то время городу и все безуспѣшно; хлѣбъ мой давно уже вышелъ, и я буквально голодала, еле волоча ноги. Хозяйка была слишкомъ опытна и сразу замѣтила мое положеніе, но продолжала быть любезной; сама даже заварила раза два чай и принесла булку; но только что я успѣла утолить голодъ, какъ ко мнѣ зашелъ корридорный и довольно нахально предложилъ мнѣ познакомиться съ какими-то молодыми людьми, проживающими тамъ же въ номерахъ. Я въ первую минуту остолбенѣла, до того я была далека отъ мысли, что я женщина, что мною могутъ интересоваться, какъ молодой дѣвушкой; я помнила въ себѣ только безпріютнаго бѣглеца и больше ничего.

Придя въ себя, я кое какъ выпроводила корридорнаго и, накинувъ поспѣшно платокъ на голову, выбѣжала на улицу. На этотъ разъ счастье улыбнулось мнѣ, я застала наконецъ дома пріѣхавшаго съ дачи присяжнаго повѣреннаго Бардовскаго, съ которымъ, я знала, была знакома Вѣра Фигнеръ (Филиппова), старый товарищъ мнѣ по студенческому кружку въ Цюрихѣ и сестра осужденной вмѣстѣ со мной по процессу 50-ти Лидіи Фигнеръ. Дѣйствительно Бардовскій зналъ Вѣру Фигнеръ, но она жила въ то время въ Самарѣ; здѣсь же въ Петербургѣ онъ указалъ мнѣ Софію Лешернъ, освобожденную по процессу 193-хъ и живущую въ городѣ (въ 1879 году С. Лешернъ была арестована въ Кіевѣ вмѣстѣ съ В. Осинскимъ и осуждена къ смертной казни, но затѣмъ помилована и сослана на Кару на вѣчную каторгу, гдѣ и умерла послѣ одной изъ тюремныхъ голодовокъ).

Присяжный повѣренный Бардовскій. Добрый, порывистый и симпатичный, Бардовскій хоть и не зналъ меня совсѣмъ и только въ качествѣ защитника Субботиныхъ видѣлъ меня на процессѣ, тѣмъ не менѣе онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ свое гостепріимство, но я, сердечно поблагодаривъ его, отказалась, чувствуя какую-то нравственную щепетильность подвергать опасности совершенно посторонняго человѣка, хотя и выказавшаго на судѣ замѣчательную сердечность и симпатію къ намъ. Такъ, я помню, во время защитительной рѣчи онъ до того взволновался,

*

что судъ долженъ былъ прервать на нѣсколько минутъ засѣданіе, чтобы дать ему успокоиться; это воспоминаніе и направило меня безотчетно къ нему, но воспользоваться его гостепріимствомъ я не рѣшилась. Эта моя осторожность его однако не спасла,— 25 іюля 1879 г. онъ былъ арестованъ и очень скоро впалъ въ душевную болѣзнь. Арестъ слишкомъ потрясъ его, потому что вѣроятно былъ для него совсѣмъ неожиданъ. Его обвиняли въ укрывательствѣ меня—это былъ ложный доносъ, основанный вѣроятно на неосторожномъ разсказѣ его гдѣ нибудь о моемъ посѣщеніи. Это воспоминаніе о гибели человѣка прекраснаго и добраго, но посторонняго революціонному движенію, всегда лежало тяжелымъ камнемъ у меня на сердцѣ. Но въ ту минуту я не могла предвидѣть такой трагической развязки, иначе мнѣ не мила бы стала моя свобода...

Софья Лешернъ. Получивши отъ Бардовскаго адресъ Софьи Лешернъ, я чувствовала себя спасенной; хотя лично ее никогда до тѣхъ поръ не знала, но насъ сроднили общія невзгоды и тюрьма. Какъ на крыльяхъ полетѣла я къ ней и застала ее дома. Она приняла меня сердечно, будто давно жданную сестру, посовѣтовала мнѣ сейчасъ же выбраться изъ моихъ меблированныхъ комнатъ и предложила временный пріютъ у себя. Пріютъ этотъ была скромная комнатка Александры Малиновской, молодой дѣвушки художницы, гостившей въ то время гдѣ-то на дачѣ и временно передавшей ключъ отъ своего жилища Софьѣ Лешернъ.

Здѣсь въ этой комнаткѣ близь Забалканскаго проспекта въ Измайловскомъ полку, въ тотъ же вечеръ собралось человѣкъ 15-ть совсѣмъ еще незнакомаго мнѣ народа, но которыхъ влекла туда общность борьбы, надеждъ и страданья. Какъ мало изъ нихъ осталось теперь въ живыхъ!...

Сергѣй Кравчинскій въ Петербургѣ. Тутъ-то впервые я встрѣтила моего названнаго брата Сергѣя Кравчинскаго... Несмотря на крайнюю опасность, съ которой сопряжено было каждое появленіе его на улицѣ, онъ пришелъ привѣтствовать меня въ этотъ первый день моей свободы; быть можетъ онъ безсознательно былъ суевѣренъ, какъ многіе стоявшіе лицомъ къ лицу со смертью, и мое появленіе въ Петербургѣ въ день 4-го августа, этотъ первый въ то время побѣгъ изъ Сибири, казался ему счастливымъ предзнаменованіемъ близкой свободы для всѣхъ... Да, мы были въ то время еще молоды, мы не разучились еще вѣрить и мечтать...

Было уже нѣсколько человѣкъ въ сборѣ, когда онъ вошелъ въ комнату; его крупная мужественная фигура и оригинальная голова невольно привлекла мое вниманіе; онъ былъ одѣтъ джентельменомъ, въ рукахъ держалъ высокій цилиндръ, а наполеоновская бородка придавала ему видъ иностранца. Въ комнатѣ, кромѣ меня еще были двѣ, три женщины, но онъ прямо подо-

шелъ ко мнѣ и свободнымъ товарищескимъ жестомъ протянулъ мнѣ руку.

«Я знаю васъ заочно, сказалъ онъ мнѣ, быть можетъ и вы слыхали также обо мнѣ» и назвалъ себя.

«Да», отвѣчала я и подумала, какъ же не слыхать имени одного изъ первыхъ піонеровъ «хожденія въ народъ», слывшаго какъ крупный ораторъ и талантливый человѣкъ. Онъ былъ старше меня и по возрасту и по дѣятельности въ народѣ, и я смотрѣла на него какъ на старшаго товарища. Несмотря на то, что въ молодости я была крайне застѣнчива и очень трудно сближалась съ людьми, между нами какъ-то сразу завязалась свободная, простая, искренняя бесѣда, сразу сдѣлавшая насъ друзьями. Бесѣдуя съ нимъ, я свободно всматривалась въ его открытое, смѣлое, оригинальное лицо, неправильныя ломанныя линіи котораго словно красили его своимъ уродствомъ. Да, онъ былъ и красавецъ и уродъ. Мягкіе, коротко подстриженные темно-русые волосы, крупными волнами обрамляли его необычно большую голову и большой прекрасный открытый лобъ необыкновенной бѣлизны; широкія, короткія темныя брови раздѣлены было двумя глубокими вертикальными складками надъ переносьемъ, придававшими лицу видъ рѣшимости и энергіи. Крупный ротъ съ сочными свѣжими губами порой раскрывался въ широкую добрую улыбку, порой передергивался какой-то меланхолически-нервной гримасой; каріе глаза его то загорались огнемъ, то смотрѣли съ какой-то разсѣянной задумчивостью; онъ словно уходилъ въ себя и ничего не видѣлъ вокругъ. Вообще въ этомъ на видъ здоровомъ, могучемъ, порой почти шумно веселомъ человѣкѣ, при внимательномъ наблюденіи, можно было подмѣтить симптомы пережитаго глубокаго нервнаго потрясенія, внѣшніе слѣды котораго лишь сглаживались силою сдержанности, но не исчезали вполнѣ.

Валерьянъ Осинскій. Нашъ оживленный разговоръ мало по малу привлекъ къ намъ еще нѣкоторыхъ. Всѣхъ ярче врѣзалась въ моей памяти фигура Валерьяна Осинскаго. Высокій, стройный блондинъ съ благородными правильными чертами лица, съ красивыми глазами, вспыхивающими иногда энтузіазмомъ молодости, онъ напоминалъ молодого офицера, еще не бывавшаго въ серьезномъ огнѣ, но мечтающаго о крупномъ боѣ. Впрочемъ онъ не былъ уже новичкомъ и побывалъ если не въ бою, то въ серьезныхъ рекогносцировкахъ. Какъ истинный рыцарь, или лучше сказать какъ большая часть нашихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, онъ началъ свою дѣятельность съ преклоненія передъ страданьемъ. Первый шагъ, познакомившій его, впрочемъ не надолго, съ тюрьмой, была попытка проникнуть въ залу суда во время нашего процесса 50-ти, гдѣ онъ жаждалъ увидѣть, главнымъ образомъ, какъ онъ сознался мнѣ, насъ, «московскихъ амазонокъ», выросшихъ въ барскихъ хоромахъ, вкусившихъ всѣхъ прелестей свободнаго умственнаго труда въ европейскихъ уни-

верситетахъ и затѣмъ, съ такой отважной простотой, перешагнувшихъ порогъ грязнаго вертепа Московскихъ фабрикъ, какъ простыя работницы. Въ ту минуту, когда подошелъ къ намъ Осинскій, мы говорили съ С. Кравчинскимъ о біографіи безвременно покончившей съ жизнью Бети Каминской, біографіи незадолго передъ тѣмъ напечатанной въ заграничномъ журналѣ «Община» и написанной въ тюрьмѣ совмѣстно мною и Бардиной. Кравчинскій спрашивалъ меня, работавшую на одной фабрикѣ съ Каминской, дѣйствительно ли тѣ нѣсколько мрачныя впечатлѣнія, которыя сквозятъ въ описаніи ея пребыванія на фабрикѣ, суть впечатлѣнія, окрашенныя индивидуальностью Каминской, или же они у меня общія съ нею. Я отвѣчала утвердительно, и у насъ зашелъ горячій споръ о народѣ. Кравчинскій, несмотря на свой прошлый опытъ пропаганды въ народѣ, опытъ столь же сравнительно малопродуктивный, какъ и всѣ бывшіе до и послѣ него, опытъ кончившійся арестомъ въ деревнѣ и спасеніемъ бѣгствомъ, остался всетаки большимъ энтузіастомъ и вѣрилъ, что придетъ время и быть можетъ скоро придетъ, когда русскій народъ пойметъ насъ и станетъ грудью за свою свободу, а пока мы должны расчистить для него путь борьбою съ правительствомъ, не оставляя однако дѣла пропаганды.

«Вы, сказалъ мнѣ Кравчинскій, говорите, что увлечь за нами массу трудно, что она втеченіе всей своей исторіи отступала, избѣгая внутренней борьбы, бѣжала въ горныя степи, въ Сибирскую тайгу—а что вы скажете о Чигиринскомъ дѣлѣ?»

О Чигиринскомъ дѣлѣ, я о немъ ничего не знала; оно произошло въ мою бытность въ Сибири, и Кравчинскій съ увлеченіемъ разсказалъ мнѣ попытку Стефановича и Дейча, выдавъ себя за царскаго комиссара, организовать возстаніе въ Чигиринѣ. Это самозванство не понравилось мнѣ, оно было опасно тѣмъ, что какъ бы еще болѣе усиливало легенду о «царѣ заступникѣ», хотя практически оно скорѣе могло привести къ результату, т. е. къ возстанію противъ властей, чѣмъ наша искренняя открытая пропаганда. Всѣ они чувствовали однако, какъ и я, что съ идеаломъ peuple souverin съ идеаломъ могучаго и гордаго народа, сознающаго свое право и опирающагося на свою только силу, волей неволей нужно пока проститься; и какъ бы для того, чтобъ развѣять грусть, набѣжавшую на наши лица, за минуту оживленныя споромъ, Осинскій сталъ съ увлеченіемъ разсказывать исторію побѣга Стефановича и Дейча изъ Кіевской тюрьмы, побѣга, въ которомъ, какъ я узнала потомъ, онъ принималъ очень дѣятельное участіе.

Александръ Михайловъ. Затѣмъ разговоръ мало по малу сдѣлался общимъ; отъ Чигиринскаго дѣла перешли къ разсказу о попыткахъ сближенія съ народомъ на почвѣ легально-культурной, попыткахъ лишенныхъ уже всякаго слѣда революціонной поэзіи, попыткахъ граничащихъ съ простымъ занятіемъ той или другой профессіей, а Александръ Михайловъ, носившій прозвище

дворника, повѣдалъ намъ подробности своего оригинальнаго хожденія къ сектантамъ, гдѣ онъ цѣлый годъ принужденъ былъ выдерживать искусъ строгаго поста и молитвъ по лѣстовкамъ, въ надеждѣ пріобрѣсти довѣріе къ себѣ; онъ не рекомендовалъ этотъ путь; слишкомъ много компромисовъ съ совѣстью приходится дѣлать, но эти компромисы никогда не въ силахъ сыграть роль истинной вѣры. Вечеръ закончился подробнымъ разсказомъ событія 4-го августа. День моей встрѣчи съ Кравчинскимъ былъ днемъ похоронъ Мезенцева: я разсказала, какъ идя къ Бардовскому, жившему на углу Гагаринской, я встрѣтила похоронный картежъ и чуть не была увлечена потокомъ толпы въ ряды его провожавшихъ. Мнѣ не говорили еще въ то время, кто нанесъ Мезенцеву смертельный ударъ, мнѣ врѣзалось только въ память, съ какой особой настойчивостью Кравчинскій старался остановить мое вниманіе на томъ, что убійца встрѣтилъ врага лицомъ къ лицу, одинъ противъ двухъ, и нанесъ ударъ спереди, а не сзади.

Адріанъ Михайловъ. Тутъ же припоминаю небольшую, но коренастую фигуру Адріана Михайлова, оживившагося, когда рѣчь зашла о Мезенцевѣ, и не говоря о своемъ участіи въ дѣлѣ, любовно описывавшаго «Варвара», того полумиѳическаго коня, который два года тому назадъ вынесъ изъ подъ пуль часовыхъ бѣжавшаго Кропоткина, а теперь спасъ своимъ легкимъ бѣгомъ Мезенцевскаго мстителя.

Такъ переходя отъ событія къ событію, отъ воспоминанія къ воспоминанію, мы засидѣлись далеко за полночь, и если бы кто нибудь изъ мирныхъ петербуржцевъ заглянулъ случайно въ эту комнату, тѣсно набитую народомъ, то, судя по внѣшности, онъ никакъ не подумалъ бы, что передъ нимъ кучка самыхъ крупныхъ заговорщиковъ,—такъ мало въ ихъ нарядѣ, въ ихъ жестахъ, въ ихъ сдержанныхъ рѣчахъ, такъ мало было въ нихъ той шаблонной распущенности и рѣзкости, которую привыкли у насъ называть *нигилизмомъ*, царившимъ правда въ студенческихъ кругахъ 60-хъ годовъ, но совершенно исчезнувшимъ въ 70-хъ, по крайней мѣрѣ въ крупныхъ центрахъ, и тѣмъ болѣе въ кругу серьезныхъ революціонеровъ. Столь же мало было въ нихъ общаго и съ типомъ Базарова, по поводу котораго Тургеневъ впервые создалъ терминъ *нигилистъ*, терминъ опошленный потомъ толпой. Нѣтъ, не дѣти и не братья Базарова сошлись здѣсь на бесѣду, не братья того Базарова, который презиралъ народъ уже со студенческой скамьи, потому что привыкъ трезво смотрѣть на него еще съ колыбели, нѣтъ, а скорѣй дѣти Кирсановыхъ, выросшія въ атмосферѣ мечтательнаго идеализма, дѣти Кирсановыхъ, получившія, впрочемъ, откуда-то притокъ свѣжей молодой крови, быть можетъ крови какой нибудь Фенички... Здѣсь не было ни одного, который, подобно Базарову, поклонялся бы культу своего я; нѣтъ, они искали высшей нравственной санкціи «правъ человѣка» въ народѣ и не найдя ея въ реальномъ

русскомъ человѣкѣ, въ этомъ скопищѣ именуемомъ народомъ, они обнажили мечъ, мстя за искаженіе человѣческой природы въ лицѣ народа-раба, выдвигавшаго правда время отъ времени могучія фигуры, но въ цѣломъ спавшаго тяжелымъ летаргическимъ сномъ. Идеализація вначалѣ и оскорбленное чувство потомъ, вотъ вся психологія «героическаго» періода нашей революціонной исторіи.

Николай Морозовъ. Во второй половинѣ 1878 г. было еще не мало энтузіастовъ, какъ напримѣръ Осинскій и Морозовъ, которые, если не вѣрили уже въ наше немедленное единеніе съ народомъ, то, по крайней мѣрѣ, считали возможнымъ путемъ дезорганизаціи правительства партизанской террористической берьбой, снять тяжелую гирю съ чашки вѣсовъ, препятствующую народу сдѣлать свободный выборъ между нами и властью. Объ Осинскомъ я уже говорила, съ Морозовымъ же я познакомилась нѣсколько дней спустя. Онъ только что пріѣхалъ тогда изъ провинціи, гдѣ онъ оставался нѣкоторое время послѣ освобожденія по процессу 193-хъ. Морозова привелъ къ намъ Сергѣй Кравчинскій, съ которымъ за это время я успѣла еще болѣе сблизиться и который отрекомендовалъ его мнѣ, какъ своего стараго товарища по кружку (Чайковскаго) и лучшаго друга. У насъ, т. е. у С. Лешернъ и у меня, опять собралось въ тотъ день нѣсколько человѣкъ, былъ Сабуровъ, Ольга Натансонъ, Колѣнкина (ближайшій другъ Вѣры Засуличъ) и нѣкоторые изъ бывшихъ раньше.

Сабуровъ (Оболѣшевъ), средняго роста лѣтъ тридцати съ довольно большой темнорусой бородой и карими глазами, былъ мало разговорчивъ и производилъ впечатлѣніе серьезнаго дѣловитаго чиновника; я такъ и не успѣла близко узнать его, потому что мѣсяца два спустя онъ былъ арестованъ одновременно съ О. Натансонъ, Булановымъ и другими. Онъ никогда не вдавался въ теоретическіе разговоры или воспоминанія прошлаго, но у него особо замѣтнаго прошлаго кажется и не было въ то время; его настоящая фамилія еще ни разу не попадала раньше на глаза полиціи, вотъ почему, не смотря на всѣ усилія, правительство такъ и вынуждено было осудить его подъ фиктивнымъ именемъ Сабурова. Но изъ разсказовъ О. Натансонъ, съ которой я жила нѣкоторое время передъ ея арестомъ на одной квартирѣ (въ 4-й ротѣ Измайловскаго полка), я узнала, что онъ былъ очень дѣятельнымъ человѣкомъ въ качествѣ члена организаціи «Земли и Воли».

Организація «Земли и Воли». Нужно замѣтить, что всѣ поименованныя мною лица или были уже, или сдѣлались вскорѣ членами названной организаціи (Колѣнкина и Малиновская напримѣръ передъ самымъ арестомъ ихъ [1]). Организація эта явилась естественной группировкой силъ, уцѣлѣвшихъ послѣ про-

[1]) Я вошла въ эту организацію также не задолго до моего отъѣзда за границу.

цессовъ 50-ти, 193-хъ и другихъ болѣе мелкихъ; она образовалась не сразу, начало ея относится къ зимѣ 76—77 гг., т. е. къ тому времени, когда молодожь зачитывалась программой революціонной дѣятельности и судебнымъ отчетомъ процесса 50-ти, или, какъ тогда называли, «московскаго процесса», по мѣсту главнаго дѣйствія (московскія фабрики), а не по мѣсту разбора дѣла (процессъ 50-ти разбирался въ особомъ присутствіи Сената въ Петербургѣ съ 21-го февраля по 14 марта 1877 года). Впрочемъ, еще раньше, въ 1876 г., слѣдовательно до начала замѣтнаго подъема революціоннаго духа, сказавшагося въ 1877 году, образовалась небольшая «группа», носившая въ общемъ революціонномъ кругу прозвище «троглодитовъ», за ихъ часто аффектированную конспиративность, благодаря которой даже лица вполнѣ легальныя проживали по подложнымъ паспортамъ, скрывая свои жилища даже отъ ближайшихъ товарищей. Правда, изъ этой компаніи и до сихъ поръ остался нетронутымъ съ десятокъ людей, но не благодаря конечно пріемамъ троглодитовъ, прятавшихся въ пещерахъ, а благодаря способу дѣятельности въ народѣ, принятому ими; большая часть ихъ, получившая скоро названіе деревенщиковъ, разселилась въ провинціи, занимая мѣста фельдшеровъ, волостныхъ писарей, акушерокъ, артельныхъ мастеровыхъ - т. п., сближаясь съ народомъ на почвѣ культурно-профессіональной; эта дѣятельность могла имѣть и имѣла лишь самое косвенное отношеніе къ подготовлявшейся борьбѣ съ правительствомъ на жизнь и смерть. Предчувствіе этой борьбы сказалось уже не только въ напечатанной въ то время программѣ революціонной дѣятельности процесса 50-ти, но и въ первомъ въ революціонной исторіи протестующемъ выстрѣлѣ князя Циціанова, стрѣлявшаго въ 1875 году при арестѣ въ своихъ насильниковъ-жандармовъ и осужденнаго на каторгу въ 1877 г. по процессу 50-ти (князь Циціановъ послѣ многолѣтняго одиночнаго заключенія въ центральной Харьковской тюрьмѣ и затѣмъ на Карѣ погибъ отъ тяжелой душевной болѣзни въ Сибири). Дальнѣйшимъ еще болѣе мощнымъ провозвѣстникомъ этой борьбы явился выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, вызванный позорнымъ насиліемъ надъ Боголюбовымъ. Въ названномъ обществѣ троглодитовъ Вѣра Засуличъ не принимала въ то время никакого участія; она совершила свое историческое дѣло помимо помощи и даже вѣдома его, опираясь лишь на дружескую поддержку Колѣнкиной. Вообще, послѣ неудачной демонстраціи 6 декабря 1876 года, или какъ ее называютъ, казанской демонстраціи, происшедшей, какъ говорили, по иниціативѣ этого кружка, и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ Плехановъ, благополучно избѣжавшій ареста, несмотря на произнесенную имъ рѣчь на площади, въ то время какъ многіе изъ молодежи, пришедшіе просто на панихиду (по Чернышевскомъ) и ничего не знавшіе о замыслахъ этого кружка, поплатились долголѣтней каторгой и ссылкой, однимъ словомъ послѣ казанской демонстраціи, кружокъ этотъ

съ нечаевскими традиціями потерялъ на время престижъ въ революціонномъ мірѣ и лишь обновленный во второй половинѣ 1878 года путемъ сближенія съ южанами съ одной стороны и освободившимися членами другихъ старыхъ кружковъ, или уцѣлѣвшими послѣ двухъ названныхъ большихъ процессовъ (50-ти и 193), только послѣ обновленія этими новыми, болѣе опытными членами, организація «Земли и Воли» получила серьезное значеніе и, несмотря на крупные осенніе (1878 г.) аресты, смогла даже приступить къ изданію своего литературнаго органа—газеты «Земля и Воля». Но этотъ наплывъ новыхъ крупныхъ элементовъ вскорѣ совсѣмъ измѣнилъ окраску кружка троглодитовъ. Уже съ начала 1878 года въ революціонномъ кругу стало употребляться имя «Исполнительнаго Комитета» на листкахъ, помѣченныхъ печатью, изображавшей топоръ, кинжалъ и револьверъ; эти листки, выпускавшіеся, по словамъ Осинскаго, южанами и употреблявшіеся въ качествѣ предупрежденія, посылаемаго жертвамъ готовящагося мщенія, я видѣла осенью 1878 г. въ рукахъ Сергѣя Кравчинскаго и на мой вопросъ, дѣйствительно ли существуетъ этотъ Исполнительный Комитетъ, или это только внѣшній знакъ, онъ мнѣ отвѣтилъ:—«Какъ сказать, онъ существуетъ и нѣтъ; это не есть нѣчто неподвижное, сформированное; но онъ всегда существуетъ, когда какой нибудь фактъ призываетъ революціонеровъ къ мщенію».

Самыми ревностными проповѣдниками идеи партизанской революціонной борьбы былъ однако не С. Кравчинскій, какъ можно было предполагать, а Осинскій и Морозовъ; хотя я и говорила уже объ Осинскомъ, но я не могу еще не отмѣтить здѣсь маленькой подробности. Приблизительно черезъ три, четыре дня послѣ моей первой встрѣчи съ нимъ, вдругъ онъ вбѣгаетъ къ намъ (въ квартиру Малиновской) и, ни слова не говоря, показываетъ газету: «Что такое?» изумленно спрашиваемъ мы, я и, какъ помнится, М. Колѣнкина:—«А вотъ что!» сказалъ онъ и такъ, какъ былъ, не раздѣваясь, въ пальто и шапкѣ, читаетъ намъ правительственное распоряженіе о преданіи отнынѣ военному суду всѣхъ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Окончивъ чтеніе, онъ какъ бы совершенно забываетъ о нашемъ присутствіи и долго стоитъ въ глубокой задумчивости, наклонясь надъ газетой и расправляя ее рукой на столѣ. Что проносилось въ ту минуту въ его воображеніи? Быть можетъ ему рисовалась мрачная картина казни, какъ смутное предчувствіе рока... и дѣйствительно, онъ первый палъ жертвой этого новаго закона. Вскорѣ онъ уѣхалъ на югъ и весной 1879 года, послѣ оказаннаго сопротивленія, былъ арестованъ и затѣмъ казненъ...

Николай Морозовъ. Морозова, другого яркаго приверженца террористической борьбы я узнала позже. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 23-хъ—24-хъ, выше средняго роста, съ задумчивыми большими глазами и очень нѣжными миніатюрными чертами лица; на его худой, тонкой фигурѣ лежалъ отпечатокъ тѣ-

лесной недоразвитости, какъ будто тюрьма, въ которой онъ провелъ болѣе трехъ лѣтъ въ пору ранней молодости, помѣшала достичь здоровой возмужалости; слабый, высокаго тембра голосъ его еще усиливалъ иллюзію молодого деревца, возросшаго вдали отъ свѣжаго воздуха и простора полей. Сынъ крупнаго Ярославскаго помѣщика, Николай Морозовъ провелъ уединенное дѣтство въ деревнѣ и рано былъ отданъ въ одну изъ Московскихъ гимназій; тамъ семья товарищей стала скоро его единственной семьей. Но и здѣсь въ стѣнахъ учебнаго заведенія его не покидала любовь къ природѣ, и часто лѣтомъ, въ дни досуга, онъ совершалъ далекія прогулки, знакомясь съ флорой и геологическими особенностями окрестностей Москвы; прогулки эти не только дали матеріалъ для нѣсколькихъ юношескихъ естественно-научныхъ изслѣдованій, представленныхъ имъ въ Московскій университетъ, но способствовали также развитію въ немъ поэтической созерцательности, проявившейся рано въ рядѣ юношескихъ стихотвореній. Настроенія, переживаемыя въ то время учащейся молодежью, мало гармонировали съ его созерцательной натурой, но товарищеское чувство и пылкая отзывчивая душа влекли его къ борьбѣ. Онъ отвергъ безъ оглядки тѣ привилегіи, за которыя такъ цѣпляются люди ничтожные, и бросилъ гимназію передъ самымъ полученіемъ диплома, чтобъ уйти съ головой въ волны назрѣвавшаго въ то время движенія. Облекшись въ сермягу и лапти, онъ исколесилъ почти всю Великороссію, бесѣдуя съ народомъ и раздавая имъ революціонныя книжки. Юношеская неопытность и увлекающаяся натура заставили его забыть всѣ предосторожности, и какъ то разъ въ одной деревнѣ онъ былъ схваченъ и выданъ властямъ самими крестьянами. Узнавъ объ его арестѣ, отецъ отрекся отъ него, постороннимъ же всякій доступъ въ тюрьму былъ воспрещенъ и вотъ, брошенный и забытый всѣми, томился онъ долгіе годы, пока наконецъ судъ не отпустилъ его изъ тюрьмы подъ надзоръ полиціи. Въ тюрьмѣ, болѣя отъ тоски и лишеній, онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ бывалъ прикованъ къ больничной койкѣ и тутъ, лежа въ полумракѣ арестантскаго лазарета, слагалъ онъ свои грустные стихи, ставшіе впослѣдствіи однимъ изъ любимыхъ напѣвовъ тюремной лирики. Стихотворенія Морозова, вмѣстѣ съ стихотвореніями Саблина, Синегуба и нѣкоторыхъ другихъ вышли впослѣдствіи въ особомъ нелегальномъ сборникѣ подъ названіемъ «Изъ за рѣшетки» и остались нынѣ единственнымъ почти литературнымъ памятникомъ психологіи революціоннаго движенія того времени. Сколько думъ, сколько чувствъ пережито было имъ въ тиши одиночнаго каземата. Кто послѣ этого можетъ удивляться, если оплакивая кровавыми слезами исчезнувшую иллюзію народной революціи, онъ сталъ обоготворять партизанскую борьбу съ правительствомъ—терроръ!.. Да, онъ былъ апостоломъ террора, проповѣдникомъ вооруженной борьбы съ правительствомъ одинъ на одинъ. Его богатая фантазія создавала самые причудливые

планы этой борьбы, планы, граничившіе иногда съ поэтическимъ вымысломъ; самъ онъ худой, тоненькій и слабый, ходилъ въ то время весь обвѣшанный оружіемъ, и можно только удивляться, какъ какая нибудь пустая случайность не сгубила его; но судьба хранила его до времени, несмотря на то, что онъ не разъ нарывался нечаянно на обыскъ или попадалъ на квартиру, гдѣ только что произошли аресты и оставлена была засада; быть можетъ самообладаніе и открытая простота его наружности и рѣчи спасали его.

Въ тотъ вечеръ какъ я впервые встрѣтила Морозова, онъ былъ по обыкновенію обвѣшанъ оружіемъ, подъ тяжестью котораго онъ почти сгибался. Онъ пришелъ къ намъ вмѣстѣ съ С. Кравчинскимъ, который отрекомендовалъ его «нашимъ молодымъ поэтомъ»—рекомендація, отъ которой Морозовъ зардѣлся какъ дѣвушка. Въ первыя минуты встрѣчи онъ сидѣлъ молча, обводя присутствующихъ своими задумчивыми глазами; онъ показался мнѣ очень юнымъ и я невольно обращалась съ нимъ почти покровительственно; какъ ни странно, но это сблизило насъ; мало-по-малу онъ разговорился и своимъ мягкимъ полудѣтскимъ голоскомъ сталъ дѣлиться со мною впечатлѣніями деревни и тюрьмы. Это была общая, родная намъ тема, и мы не замѣтили какъ сблизились. Сближенію нашему содѣйствовало и то, что какъ Кравчинскій такъ и Морозовъ завѣдывали редакціей «Земли и Воли», и въ моемъ лицѣ имъ хотѣлось кажется привлечь къ этому дѣлу и женскій элементъ; намъ много приходилось поэтому бесѣдовать на теоретическія темы. Программа начинавшагося изданія не была еще теоретически оформлена: она не представляла чего нибудь устойчиваго, а отпечатлѣвала въ себѣ всю непосредственность живыхъ впечатлѣній и темпераментовъ; въ этомъ заключалось и ея достоинство и недостатокъ. Но мнѣ недолго приходилось принимать участіе въ редакціонныхъ бесѣдахъ, происходившихъ въ то время на квартирѣ Кравчинскаго, гдѣ онъ, помню, читалъ въ рукописи мнѣ и Морозову свою передовую статью для «Земли и Воли», статью, гдѣ подчеркивая превращеніе идеалиста-народника въ террориста, онъ перваго неудачно сравнивалъ съ барашкомъ, мирно пасущимся на лугу. Это сантиментальное сравненіе было потомъ имъ выброшено вслѣдствіе нашего дружескаго протеста, какъ, если и вѣрное по мысли, то неудачное по формѣ. Едва успѣлъ выйти первый номеръ, какъ Кравчинскій, а затѣмъ и я должны были выѣхать за границу, такъ какъ и его и меня, хотя по разнымъ причинамъ, полиція усиленно разыскивала. На смѣну Кравчинскаго уже послѣ насъ пріѣхалъ Левъ Тихомировъ, вызванный по письму Перовской, и дальнѣйшіе номера «Земли и Воли» велись уже только Морозовымъ, Плехановымъ, Тихомировымъ и Клеменцемъ при участіи нѣкоторыхъ постороннихъ и къ революціонному движенію почти непричастныхъ лицъ.

Георгій Плехановъ. По отъѣздѣ С. Кравчинскаго, какъ въ

кругу литературномъ, такъ и вообще въ кругу дѣйствовавшихъ въ Петербургѣ землевольцевъ, началъ вскорѣ сказываться расколъ: представителями двухъ крайнихъ полюсовъ явились Морозовъ съ одной стороны и Плехановъ съ другой, Тихомировъ представлялъ собой центръ. Плеханова я почти не знала, я видѣла его разъ или два мелькомъ; одинъ разъ, помню отчетливо, это было на многолюдномъ собраніи землевольцевъ не задолго передъ моимъ отъѣздомъ; тамъ же я впервые видѣла и Трощанскаго [1]), вскорѣ затѣмъ арестованнаго. Плехановъ не появлялся ни разу у Малиновской все время, пока я тамъ жила, я не встрѣчала его также и въ домѣ Сивкова, куда потомъ перебралась она вмѣстѣ съ Колѣнкиной, и гдѣ я нѣкоторое время жила съ ними; его не видѣла я также и въ квартирѣ Ольги Натансонъ, гдѣ жила я передъ отъѣздомъ заграницу. Быть можетъ его и не было въ то время въ Петербургѣ, а можетъ быть и по другимъ причинамъ.

Дмитрій Клеменцъ. Заговоривъ о землевольцахъ, я не могу умолчать о Клеменцѣ, вернувшемся осенью 1878 года изъ за границы и принявшемъ участіе въ газетѣ «Земля и Воля». Это былъ, подобно Морозову, старый и близкій другъ Кравчинскаго; обладая юмористическимъ складомъ ума, онъ былъ замѣчательно интереснымъ собесѣдникомъ и прекраснымъ разсказчикомъ; народной рѣчью онъ владѣлъ въ совершенствѣ и подчасъ можно было заслушаться его бесѣды; его перу принадлежатъ, на ряду съ Саблинымъ, лучшія юмористическія и народническія стихотворенія въ революціонной литературѣ; это былъ человѣкъ по принципу отвергавшій организаціонныя узы, сковывающія индивидуальность и не смотря на то, что по пріѣздѣ онъ сблизился съ «Землей и Волей», это не мѣшало ему саркастически отзываться объ этой организаціи и, насколько помнится, кличку «троглодитовъ» я впервые услышала отъ него, кажется, онъ и былъ ея творцомъ. Къ сожалѣнію, очень скоро, уже въ январѣ 1879 года революціонная семья потеряла его, онъ былъ арестованъ и административно сосланъ въ Сибирь. Итакъ, съ отъѣздомъ Кравчинскаго въ «Землѣ и Волѣ» начали возникать споры и недоразумѣнія все болѣе и болѣе обострявшіе отношенія. Особенно крупнымъ яблокомъ раздора послужилъ вопросъ о цареубійствѣ, поднятый частнымъ обращеніемъ Соловьева къ нѣкоторымъ болѣе красно настроеннымъ членамъ «Земли и Воли». Плехановъ рѣзко возсталъ противъ намѣренія Соловьева и заявилъ объ этомъ товарищамъ. Тѣмъ не менѣе Соловьевъ, лишенный почти всякаго содѣйствія, исполнилъ свое намѣреніе и поплатился за это головой. Не одинъ Плехановъ былъ противникомъ цареубійства; многіе революціонеры-народники раздѣляли его взглядъ, находя вообще, что каждый террористическій актъ, затрудняя дѣятельность въ народѣ, ничего кромѣ вреда не

---

[1]) Умеръ въ Сибири.

приноситъ партіи. Такъ смотрѣли главнымъ образомъ тѣ, которые заняты были въ то время попытками революціонизировать народъ посредствомъ сближенія съ нимъ на культурной почвѣ, т. е. иначе говоря большинство старыхъ членовъ «Земли и Воли»,— деревенщики, вошедшіе въ нее еще въ 1876—1877 гг. Удаленные отъ революціоннаго центра разстояніемъ и трудностью сообщеній, они не могли слѣдить за эволюціей общаго революціоннаго чувства, а наплывъ новыхъ элементовъ, которымъ они гостепріимно отворили двери своей организаціи, элементовъ уже ранѣе имѣвшихъ опытъ пропаганды въ народѣ и вынесшихъ изъ нея отрицательныя впечатлѣнія, наплывъ этихъ элементовъ послужилъ своего рода ферментомъ, подготовившимъ будущій расколъ организаціи «Земли и Воли», раздѣлившейся, годъ спустя, на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю».

Софья Перовская. Какъ трудно было революціонерамъ-пропагандистамъ 70-хъ годовъ отрѣшиться отъ привычныхъ надеждъ, взлелѣянныхъ на почвѣ идеализаціи народа, какъ трудно было имъ перейти ка одинокой титанической борьбѣ съ властью, отрывавшей ихъ отъ народа, лучшимъ примѣромъ можетъ служить Софья Перовская.

Когда я встрѣтила ее впервые въ 1878 году, она была ярая народница. Я никогда не забуду этой первой встрѣчи. Однажды, недѣли черезъ двѣ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, часовъ въ 12 дня, на квартиру Малиновской вошла какая-то очень скромно одѣтая молодая дѣвушка; ея маленькое круглое личико съ большимъ лбомъ ребенка невольно поражало взглядъ, рельефно выдѣляясь на фонѣ простого чернаго платья, окаймленное широкимъ бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ. Оно дышало молодостью и жизнью. Это была Софья Перовская. Она назвала себя и съ открытой простотой давняго знакомства поздоровалась съ нами, хотя я и бывшая тамъ Колѣнкина знали ее раньше только заочно. Она была видимо чѣмъ-то пріятно взволнована; мы обступили ее и вся запыхавшаяся еще отъ быстрой ходьбы, она разсказала намъ, какъ сегодня ночью на вокзалѣ въ Новгородѣ ей удалось бѣжать, перешагнувъ черезъ своихъ спящихъ конвойныхъ; выждавъ въ придорожныхъ заросляхъ прихода Петербургскаго поѣзда, она вскочила въ него безъ билета и утромъ была уже у одной своей старой подруги, откуда ее и направили къ намъ. При всей простотѣ этого разсказа, меня охватывала невольная дрожь, когда она описывала, какъ, задумавъ бѣжать и лежа укрытая на диванѣ въ дамской, она слѣдила за жандармами, расположившимися у порога на ночь; какъ въ началѣ при каждомъ звонкѣ, или шумѣ проходящаго поѣзда, жандармы вздрагивали и тревожно оглядывали ее, но убѣдившись, наконецъ, что она крѣпко спитъ, и сами заснули спокойнымъ сномъ; мало по малу звонки и шумъ поѣзда перестали будить ихъ и они больше не просыпались. Тогда она тихо, тихо встала, расположила свою одежду на диванѣ такъ, какъ будто она продолжала прикрывать

ея спящую фигуру, а сама, накинувъ платокъ на голову, снявъ обувь, легкая какъ тѣнь, перешагнула черезъ спящую стражу и никѣмъ незамѣченная вышла на платформу, перебралась черезъ пути и спряталась въ прилегавшихъ кустахъ, ожидая поѣзда. Ей пришлось ждать цѣлый часъ и какой часъ! каждая минута его равнялась цѣлому году: малѣйшій шорохъ, лай ночной собаки, шелестъ листьевъ, все заставляло трепетать... Но вотъ давно жданный поѣздъ медленно вырисовался вдали и, наконецъ, всталъ передъ нею—она была спасена... Теперь, забывъ всѣ муки пережитаго томленія, она, радостная и свободная, дышала полною грудью въ кругу родныхъ ей по духу товарищей.

Вѣсть о бѣгствѣ Перовской быстро разнеслась по Петербургу; черезъ нѣсколько часовъ къ намъ, т. е. въ квартиру Малиновской, куда съ утра приходила Колѣнкина и гдѣ ночевала я, пришелъ Кравчинскій. Старый товарищъ Перовской по кружку Чайковскаго, онъ спѣшилъ сюда видѣть ее. Въ отношеніи Кравчинскаго къ этой дѣвушкѣ-полуребенку—такой она казалась съ виду—сказывалось столько глубокаго уваженія и какого-то какъ бы сдерживаемаго поклоненія, не нарушавшаго однако товарищескаго тона ихъ отношеній, что невольно останавливало на себѣ вниманіе. «Это замѣчательная женщина, говаривалъ онъ мнѣ потомъ, ей суждено совершить что нибудь очень крупное». Во время этой встрѣчи ихъ разговоръ сосредоточился на вѣстяхъ о центральной каторжной Харьковской тюрьмѣ. Кравчинскій принесъ съ собою и показалъ Перовской вышедшую вскорѣ послѣ убійства Мезенцева брошюру «За живо погребенные», составленную подъ редакціей Кравчинскаго по даннымъ, присланнымъ заключенными изъ Харьковской центральной тюрьмы [1]). Въ этой брошюрѣ съ убійственной реальностью описывались униженія и страданія, переживаемыя заключенными, и я видѣла какъ отуманилось лицо Перовской, за минуту такое радостное, когда Сергѣй сталъ перечитывать намъ нѣкоторыя страницы. Въ Харьковской центральной тюрьмѣ сидѣли въ то время Мышкинъ. сынъ народа и мощный революціонный ораторъ, къ которому она относилась почти съ поклоненіемъ; тамъ были и другіе ея товарищи по процессу 193-хъ, тамъ сидѣли также и осужденные по процессу 50-ти, самому суровому по числу приговоренныхъ въ то время на каторгу. Это чтеніе волновало насъ всѣхъ. Перовская уже раньше живала въ Харьковѣ, освобожденная по процессу 193-хъ, и теперь она опять рвалась туда, ближе къ этимъ страдальцамъ, въ надеждѣ устроить имъ побѣгъ или хотя бы поддерживать съ ними сношенія. Указанія Кравчинскаго на то, что страданія эти не остались безнаказанными, что Мезенцевъ искупилъ ихъ собственной смертью, не утѣшали ее; она рѣшила сейчасъ же ѣхать въ Харьковъ, не смотря на просьбы

---

[1]) Эта брошюра была написана Долгушинымъ; можетъ быть, при печатаніи она и подвергалась редактированію членовъ редакціи „Земли и Воли“.

нѣкоторыхъ друзей не спѣшить и пожить еще въ Петербургѣ, потому что побѣгъ изъ центральной Харьковской тюрьмы дѣло почти невозможное. Но Перовская еще вся была проникнута вѣрой въ возможность помочь имъ. Уступая просьбѣ товарищей, она прожила однако въ Петербургѣ еще нѣсколько дней, помогая сближенію своихъ старыхъ товарищей съ организаціей «Земли и Воли»; такъ, она старалась сблизить съ нею Зубка, пригласивъ его какъ-то на квартиру Малиновской, но тотъ ѣхалъ въ Сибирь къ своей невѣстѣ и не остался; она написала также Льву Тихомирову, жившему въ то время вдали отъ революціонныхъ дѣлъ въ Ставрополѣ у родныхъ. Тихомировъ отозвался на ея призывъ, поддержанный другими товарищами, и впослѣдствіи, по отъѣздѣ Кравчинскаго, занялъ его мѣсто въ редакціи «Земли и Воли».

Устроивъ самыя необходимыя дѣла, Перовская собралась ѣхать. Кравчинскій, чтобъ чѣмъ нибудь ознаменовать прощаніе съ ней, вздумалъ собрать насъ всѣхъ болѣе близкихъ на оперномъ представленіи и взялъ литерную ложу. Давали «Пророка» Мейербера—оперу очень любимую въ революціонномъ кругу. Вообще революціонеры въ театры обыкновенно не ходили, но Сергѣю Кравчинскому всегда какъ то нравилось пытать судьбу. Такъ, зная какъ усиленно искали тогда меня, онъ любилъ бывало пройтись со мною подъ руку по самымъ людным улицамъ Петербурга и потомъ весело потиралъ руки, какъ послѣ удачной рекогносцировки. Тогда въ Петербургѣ, не смотря на облавы домовъ, арестовъ въ организаціи еще не было и всѣ поддались его отважной фантазіи. Насъ было въ ложѣ человѣкъ 11, все народъ очень нелегальный, тутъ былъ Адр. Михайловъ. Ал. Михайловъ, Морозовъ, Кравчинскій, Перовская, Колѣнкина, Баранниковъ, я, Оболѣшевъ, Ольга Натансонъ и еще кто то. Мы собрались туда небольшими группами и просидѣли весь вечеръ подъ обаяніемъ музыки, наслаждаясь ощущеніемъ опасности, которая имѣетъ обыкновенно такую неизъяснимую прелесть въ молодости. Въ антрактахъ мы шутили и смѣялись на эту тему и говорили, сколько бы дало правительство за удовольствіе захватить сразу все это гнѣздо «злоумышленниковъ», но правительство меньше всего конечно могло искать насъ здѣсь. Тѣмъ не менѣе опасность висѣла уже надъ многими головами. Но на этотъ разъ судьба еще хранила Перовскую; на другой день она уѣхала въ Харьковъ и вернулась въ Петербургъ только черезъ годъ, въ концѣ лѣта 1879 года, когда узнала, что организаціи З. и В. грозитъ расколъ и что революціонное народничество грозитъ исчезнуть, какъ практическая задача минуты. Но объ этомъ послѣ.

Вскорѣ по отъѣздѣ Перовской въ Петербургѣ произошли массовые аресты среди членовъ организаціи. Арестованы были Адр. Михайловъ, Сабуровъ (Оболѣшевъ), Колѣнкина, Ольга Натансонъ, Малиновская и другіе, и только благодаря счастливой случайности многимъ удалось спастись: такъ, Морозовъ едва не попалъ

въ западню, устроенную полиціей въ квартирѣ Буланова, къ счастью были сумерки, и когда на его звонокъ вышелъ городовой, онъ успѣлъ скрыться за выступъ стѣны. На квартирѣ Малиновской въ домѣ Сивкова, куда она переѣхала вмѣстѣ съ Колѣнкиной и гдѣ нѣсколько дней жила Перовская и я, могли попасться еще больше народа. Правда, надзоръ полиціи былъ замѣченъ, и квартира Малиновской временно объявлена была подъ карантиномъ, но какъ разъ наканунѣ ареста Малиновская объявила, что полиція оставила ее въ покоѣ, что вѣроятно мы ошиблись и въ знакъ снятія карантина просила насъ притти къ ней на именинный пирогъ. Притти должны были многіе и въ томъ числѣ Сергѣй Кравчинскій. По счастью, когда Морозовъ, благополучно избавившись отъ засады на квартирѣ Буланова, пришелъ ко мнѣ въ 4-ю роту Измайловскаго полка, гдѣ я временно жила вмѣстѣ съ Ольгой Натансонъ, къ намъ зашелъ безъ звонка какой то незнакомый мнѣ молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ и что то шепотомъ сообщилъ Морозову.

Это былъ А. Штанге, родственникъ О. Натансонъ, который пришелъ предупредить ее, что сегодня въ ночь въ домѣ Сивкова, гдѣ и онъ жилъ, произошелъ по разсказу прислуги серьезный обыскъ въ квартирѣ какихъ то двухъ женщинъ, было оказано вооруженное сопротивленіе одною изъ нихъ и обѣ были арестованы, а на квартирѣ оставлена въ засадѣ полиція. Сомнѣнія не могло быть, обыскъ былъ у Малиновской и стрѣляла, конечно, Колѣнкина, всегда носившая съ собой револьверъ и рѣшившаяся не отдавать своей свободы безъ сопротивленія. Выстрѣлъ Колѣнкиной могъ имѣть еще и то значеніе, что у Малиновской, занимавшейся приготовленіемъ необходимыхъ для конспиративныхъ цѣлей паспортныхъ печатей, могли быть важные образцы или подлинные чьи нибудь чужіе документы, арестъ которыхъ могъ сгубить не мало лицъ и, оказывая сопротивленіе, она давала время Малиновской уничтожить ихъ. Штанге тровожно спрашивалъ объ О. Натансонъ, она весь день не появлялась, всѣ признаки были за то, что она арестована. Я жила у нея безъ прописки, и мнѣ въ тотъ же вечеръ пришлось оставить ея квартиру, которую можетъ быть ей полезно было открыть полиціи. Морозовъ пошелъ предупредить Кравчинскаго и другихъ объ арестѣ Малиновской, а мнѣ пришлось спѣшно искать другого убѣжища. Настоящаго чужого паспорта для меня тоже еще подыскать не удавалось, а съ фальшивымъ, въ это время усиленной травли, прописываться было очень опасно; обо всѣхъ вновь прописываемыхъ паспортахъ полиція дѣлала справки по телеграфу въ мѣстахъ выдачи документа, и самый арестъ квартиры Буланова и Колѣнкиной можно было объяснить только справками и выяснившейся подложностью паспортовъ.

Съ этого времени началось для меня довольно тяжелое и утомительное скитаніе по Петербургу, котораго раньше я не знала и гдѣ легально никогда не жила. Приходилось ночевать

то у тѣхъ, то у другихъ добрыхъ людей, правда оказывавшихъ мнѣ всегда самое радушное гостепріимство, но складъ жизни которыхъ, регулируемый той или другой профессіей, былъ совсѣмъ не тотъ, къ какому мы привыкли въ нашей такъ сказать походной жизни. Меня тяготила также отчасти забота о томъ, что мое присутствіе подвергало нѣкоторому риску этихъ незнакомыхъ мнѣ людей, гостепріимство которыхъ было частью данью личнаго расположенія къ тѣмъ, кто приводилъ меня къ нимъ, частью молчаливымъ сочувствіемъ тому дѣлу, которому мы служили. Какъ бы то ни было, я до сихъ поръ съ глубокой благодарностью вспоминаю супруговъ Б—хъ, А—хъ, К—о, у которыхъ я провела по нѣскольку дней, и присяжныхъ повѣренныхъ Ольхина и Е. Корша; послѣднихъ двухъ я знала раньше, какъ защитниковъ по процессу 50-ти. Всего дольше я прожила у Е. Корша, оказывавшаго и раньше нѣкоторыя услуги организаціи «Земли» и Воли», а весною 1878 года содѣйствовавшаго В. И. Засуличъ, въ моментъ освобожденія ея изъ тюрьмы, удачно укрыться отъ преслѣдованія полиціи. Во время замѣшательства, вызваннаго выстрѣломъ Сидорацкаго, Е. Коршъ усадилъ В. Засуличъ въ экипажъ, который и умчалъ ее вонъ изъ толпы. Эта свобода куплена была однако не даромъ: молодой 17-ти-лѣтній Сидорацкій, недавно выпущенный по процессу 50-ти, палъ искупительной жертвой; одинъ изъ жандармовъ мѣткимъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ. Е. Коршъ, издававшій въ то время газету «Сѣверный Вѣстникъ», напечаталъ также извѣстное письмо Вѣры Засуличъ, за которое и была закрыта его газета. Впрочемъ, онъ жаловался, что Петербургскіе собратья такъ доѣзжали его, что онъ и безъ того вынужденъ былъ закрыть ее. Я безъ чувства благодарности не могу не вспомнить и его жену, а также свояченицу, приходившихся близкими родственницами Смецкой— моего товарища по Цюрихскому университету; она была одной изъ видныхъ послѣдовательницъ Бакунина.

Любовь Смецкая, попавъ уже въ 1880-хъ годахъ въ ссылку въ Сибирь, вышла замужъ за бывшаго тогда въ ссылкѣ, а впослѣдствіи получившаго извѣстность польскаго писателя Шиманьскаго; по возвращеніи въ Россію Смецкая скоро сошла съ ума и умерла въ пріютѣ для душевно больныхъ, оставивъ по себѣ только одного сына; такъ и затерялась въ общемъ движеніи эта крупная сила почти безъ слѣда.

Присяжный повѣренный Ольхинъ. Довольно продолжительное время (съ недѣлю) провела я также у Ольхина, съ которымъ бесѣды были продолжительнѣе и носили уже нѣкоторый дѣловой характеръ. Тамъ бывали Кравчинскій, Морозовъ, Ал. Михайловъ, а раньше О. Натансанъ, Оболѣшевъ и другіе. Ольхинъ часто заводилъ рѣчь о земскихъ планахъ систематическихъ петицій къ правительству, о введеніи конституціоннаго представительства на Руси. Онъ говорилъ, что въ земскихъ сферахъ подумываютъ объ устройствѣ общеземскихъ съѣздовъ, но что

большинство земствъ такъ задавлено администраціей, что разсчитывать на единство дѣйствій невозможно. Напротивъ, мысль объ изданіи подпольнаго земскаго органа здѣсь въ Россіи, подобно тому какъ издается «Земля и Воля», считается многими земцами гораздо болѣе полезной и осуществимой; они просятъ только содѣйствія революційной партіи въ дѣлѣ печатанія такого земскаго органа. Объ этомъ Ольхинъ и раньше бесѣдовалъ съ другими революціонерами, но какъ тогда, такъ и теперь ему неизмѣнно отвѣчали: «партія поможетъ вамъ перевезти шрифтъ изъ-за границы, поможетъ совѣтомъ какъ устроить типографію, считая смѣлую земскую борьбу полезной для общихъ цѣлей свободы, но самимъ держать тайную типографію для земской подпольной газеты партія согласиться не можетъ; у нея слишкомъ много своихъ прямыхъ задачъ; но если земцы серьезно хотятъ внести лепту въ дѣло русской свободы, они должны умѣть, если придется, и серьезно пострадать за нее». На этомъ переговоры и оборвались.

Въ 1878 году революціонной партіи и вообще было не до земцевъ; благодаря усиленной охранѣ, правительство продолжало выхватывать все новыя и новыя жертвы изъ рядовъ партіи. Почти каждый день ей приходилось все болѣе и болѣе смыкать свои ряды. Друзья стали безпокоиться за Сергѣя Кравчинскаго: правда, уже кажется съ сентября онъ жилъ свободно по прекрасному настоящему паспорту; въ его квартирѣ у пяти угловъ не только происходили редакціонныя собранія «Земли и Воли», но къ нему захаживали иногда его ближайшіе друзья; но всѣ знали, что не сегодня, завтра какая нибудь роковая случайность можетъ стоить ему головы. Всѣхъ больше оберегалъ его старый товарищъ Д. Клеменцъ. Онъ упрямо настаивалъ, чтобъ Сергѣй уѣхалъ за границу, устроилъ все необходимое для этого и въ одинъ холодный ноябрьскій день С. Кравчинскій покинулъ Петербургъ, не предчувствуя быть можетъ, что больше никогда не суждено ему вернуться на родину и что не обнять ему больше многихъ, многихъ изъ его лучшихъ старыхъ друзей.

Мнѣ лично еще пришлось, однако, не разъ встрѣтиться съ нимъ на общемъ жизненномъ пути. Послѣ отъѣзда Кравчинскаго я не долго оставалась въ Петербургѣ; я была утомлена моимъ безпріютнымъ скитаніемъ, а подходящаго настоящаго паспорта не находилось, по которому я могла бы свободно жить. Чаще другихъ меня посѣщали у Е. Корша Н. Морозовъ и Ал. Михайловъ, который передъ арестами проэктировалъ было для меня роль пропагандистки въ молодежи, но теперь, послѣ короткаго дѣлового обсужденія моего положенія, мы увидѣли, что при настоящихъ полицейскихъ условіяхъ пропагандой въ молодежи сколько нибудь продуктивно можетъ заниматься только лицо по возможности легальное, иначе оно само погибнетъ и повлечетъ за собой новыя безплодныя жертвы въ молодежи. Послѣ этого разговора, посовѣтовавшись еще съ нѣкоторыми товарищами, я

рѣшила уѣхать временно заграницу, пока пройдетъ первый пылъ правительственнаго преслѣдованія. Морозовъ и Ал. Михайловъ совѣтовали мнѣ, пользуясь свободнымъ временемъ заграницей, написать исторію дѣятельности нашей революціонной организаціи (лицъ, судившихся по процессу 50-ти) и женскаго студенческаго кружка, изъ котораго вышли женщины нашего процесса. Написать эту исторію просилъ меня также еще раньше и С. Кравчинскій. Такимъ образомъ, время пребыванія заграницей я надѣялась провести не безъ пользы.

II.

Простившись съ моими новыми товарищами, такъ скоро ставшими мнѣ не менѣе родными, чѣмъ тѣ, которыхъ я еще такъ недавно потеряла, съ которыми я дѣлила общую работу, общія опасности, а затѣмъ тюрьму, осужденіе и ссылку, я наскоро собралась заграницу. Мнѣ предстояло перебираться черезъ границу безъ паспорта при помощи евреевъ-контрабандистовъ. Такая переправа такъ вообще рискована и трудна, въ особенности для женщины, что я не могу умолчать о ней.

На Варшавскій вокзалъ меня проводилъ Н. А. Морозовъ, обѣщавшій аккуратно писать, а до Вильно ѣхала со мной студентка, Фани Личкусъ, бывшая уже, какъ я потомъ узнала, женой С. М. Кравчинскаго. Это была симпатичная молодая дѣвушка, очень недурная собой. Она обладала хорошимъ сердцемъ и незаурядной дѣловитостью. Не смотря на свои двадцать три, двадцать четыре года, она умѣло устроила переправу, поручила меня вѣрнымъ контрабандистамъ и сама дожидалась въ Вильно, или кажется даже въ Вилковишкахъ, пока меня не переправятъ благополучно.

Путешествіе съ контрабандистомъ. Я отдалась довѣрчиво и безропотно въ руки простого еврея съ традиціонными рыжими пейсами, которому меня поручила Фани. Онъ ѣхалъ со мною въ одномъ вагонѣ 3-го класса, переполненномъ еврейской бѣднотой: крикъ многочисленныхъ дѣтей, визгъ измученныхъ растрепанныхъ женщинъ, гулъ гортанной непонятной мнѣ рѣчи, хлопотливая суета мущинъ, терпѣливо устраивавшихъ свои мечущіяся въ волненіи семьи, все это кружило мнѣ голову въ атмосферѣ плохо отапливаемаго грязнаго вагона, наполненнаго какимъ-то прѣлымъ запахомъ сушеной рыбы и лука, остатки которыхъ въ изобиліи покрывали полъ. Подъ вечеръ мы доѣхали до Вилковишекъ, гдѣ я вышла изъ вагона вмѣстѣ съ моимъ провожатымъ, который, ни слова не говоря, взялъ въ руки мой чемоданчикъ и сдѣлалъ знакъ, чтобъ я слѣдовала за нимъ; были уже сумерки короткаго зимняго дня. Спустившись съ крыльца станціи, мы подошли къ громадныхъ размѣровъ высокой телѣгѣ, какой я

раньше не встрѣчала (это былъ еврейскій фургонъ); поперекъ этой телѣги было положено четыре или пять голыхъ досокъ для сидѣнья; поспѣшно, на перебой толкая другъ друга, карабкались по ступицамъ колесъ мущины и женщины, спѣша занять мѣста; надъ всей этой тѣсной группой людей стоялъ тотъ же своеобразный гомонъ голосовъ, какой провожалъ меня всю дорогу и который своей необычностью волновалъ меня. Только впослѣдствіи на Востокѣ, на Каспійскомъ и Черноморскомъ побережьи, я встрѣчала ту же стихійную, непривычно волнующую громкую нескладную музыку толпы. Подъ гулъ этой крикливо-хриплой пугавшей меня музыки я кое какъ забилась въ телѣгу на первое попавшееся самое неудобное мѣсто, и мы тронулись въ путь. На козлахъ съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ сидѣлъ молодой еврей въ грязномъ засаленномъ холщевомъ на ватѣ лапсердакѣ и погонялъ двухъ большихъ, но плохо кормленныхъ лошадей, которыя съ трудомъ тащили насъ, человѣкъ по меньшей мѣрѣ, казалось мнѣ, пятнадцать. Дорога была шоссейная, кругомъ разстилались поля, покрытыя снѣгомъ, кое гдѣ вырисовывались въ ночной мглѣ жалкія деревушки съ соломенными крышами и покачнувшимися заборами. Время отъ времени мы останавливались у какой нибудь придорожной корчмы, куда сбрасывались какіе-то узлы, иногда послѣ длинныхъ крикливыхъ переговоровъ высаживались люди и мы ѣхали дальше, окутанные глубокой ночной мглой—куда я не знала. Поздно ночью остановились мы, наконецъ, еще у какой-то, казалось, одиноко стоявшей въ полѣ корчмы, окна которой мигали издали своими тусклыми огнями; мой спутникъ слѣзъ съ фургона, сказалъ что-то по еврейски вышедшей на стукъ колесъ пожилой, довольно тучной еврейкѣ, покрытой большимъ платкомъ, лохмотья котораго свободно развѣвалъ ночной вѣтеръ. Она отвѣтила кивкомъ головы и мой спутникъ, схвативъ мой чемоданчикъ, живо высадилъ меня изъ фургона, потянувшагося дальше развозить послѣднихъ пассажировъ.

Ночь въ корчмѣ контрабандистовъ. Когда я переступила порогъ и вошла въ сѣни, мнѣ навстрѣчу изъ полуотворенной двери налѣво вырвался такой громкій гулъ пьяныхъ голосовъ съ громкой отчетливой руганью на родномъ мнѣ русскомъ языкѣ, что сердце мое застучало такъ, какъ не стучало оно даже въ тотъ ночной часъ, когда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я пробиралась въ Сибири одна одинешенька по спящимъ улицамъ маленькаго городишка, чтобы спрятаться въ пустынномъ придорожномъ лѣсу, гдѣ съ тревогой и надеждой поджидала до разсвѣта человѣка, присланнаго за мной товарищемъ Геллеромъ изъ Тюмени, чтобы оттуда бѣжать дальше въ Россію. Правда, здѣсь въ этой корчмѣ мнѣ предлагали кровъ, я не рисковала здѣсь встрѣтить ни лѣсного звѣря, ни озвѣрѣвшаго бродяги, какъ въ Сибирскомъ лѣсу, но на меня пахнуло изъ-подъ этой гостепріимной кровли такимъ смрадомъ пьянаго вертепа, что сердце мое, пережившее не одну

тревогу, стучало и стучало, не слушаясь воли. Еврейка хозяйка, не обращая вниманія на мое невольное содроганіе, провела меня дальше въ сѣни и, закрывъ дверь налѣво, гдѣ бушевала пьяная ватага, провела меня въ маленькую холодную каморку направо, которая почти вся была занята высокой заваленной пуховиками кроватью подъ грязнымъ ситцевымъ пологомъ, да простой некрашенной скамьей, стоявшей въ углу. Хозяйка ломанымъ русскимъ языкомъ предложила мнѣ раздѣться и лечь въ постель, на что я сначала упрямо не соглашалась, но потомъ, когда она сказала мнѣ, что въ сосѣдней комнатѣ кутятъ пограничные солдаты, которые легко могутъ зайти сюда и увидѣть меня, и что мнѣ непремѣнно нужно укрыться въ постели, упрямствовать было невозможно; я завернулась въ грязные пуховики, какъ была въ одеждѣ, и провела ужасную безсонную ночь. Въ мою оставшуюся незапертой каморку нѣсколько разъ входили, о чемъ-то шептались, опять выходили; въ углу на скамьѣ кто-то громко храпѣлъ, а рядомъ, до разсвѣта, длилась пьяная оргія; я слышала возмутительную ругань, визгъ женскихъ голосовъ, покрывавшихъ звуки заунывной еврейской пѣсни, напѣваемой обрывающимся пьянымъ молодымъ но уже надтреснутымъ женскимъ голосомъ, вибрирующія дѣтскія нотки котораго порою до слезъ волновали душу. Насталъ наконецъ разсвѣтъ, оргія стихла. Вѣроятно, или всѣ заснули, или разбрелись. Черезъ скважину полога я могла видѣть уголъ окна, выходившаго на грязный загроможденный всякой рухлядью дворъ, обнесенный высокимъ частоколомъ. Я поняла, что я заперта, что у меня нѣтъ другого выхода, какъ черезъ общую дверь, и я стала покорно ждать. Давно утратила я дѣтскую привычку молиться, но тутъ молитвенное настроеніе, давно позабытое, помимо воли охватило душу. Я чувствовала себя безпомощной щепкой, брошенной въ волны грознаго моря жизни; моя свобода, моя честь, моя судьба были въ рукахъ этихъ бѣдныхъ, грубыхъ, невѣжественныхъ людей, живущихъ ночными оргіями. Я знала, что какіе-нибудь три, пять рублей, которые обѣщала Фани за мой переходъ границы, были жалкимъ ничто, и я молила укрѣпить совѣсть этихъ людей — въ ней была моя единственная защита...

Переправа черезъ границу. Когда разсвѣтъ смѣнился яснымъ днемъ, ко мнѣ вошла вчерашняя еврейка-хозяйка; она принесла мнѣ подержанный шерстяной клѣтчатый платокъ, посовѣтовала спрятать мѣховую шапочку, бывшую на мнѣ, и, покрывъ меня этимъ платкомъ, вывела изъ корчмы.—Сейчасъ на часахъ стоитъ знакомый солдатъ, сказала она, и перейти границу можно. Несмотря на предстоящую новую опасность при переходѣ границы, я счастливо вздохнула, выйдя на просторъ и на свѣжій воздухъ. Я тутъ только узнала, что корчма расположена близь мѣстечка или заштатнаго города Владиславова. Мы шли съ еврейкой рядомъ мѣрнымъ спокойнымъ шагомъ къ рѣчкѣ, черезъ которую виднѣлся неширокій деревянный мостъ; впереди шелъ вчерашній

мой спутникъ и несъ чемоданъ; я сама видѣла, какъ онъ перешелъ съ моимъ чемоданомъ по ту сторону рѣки и вошелъ тутъ же близко въ приличнаго вида каменный домъ, гдѣ и оставилъ мои вещи. Домъ этотъ оказался гостинницей пограничнаго нѣмецкаго мѣстечка, откуда идутъ омнибусы къ одной изъ ближайшихъ желѣзно-дорожныхъ станцій дороги на Берлинъ. Мы съ еврейкой, подойдя къ мосту, почему то перешли не сейчасъ; ей что то, очевидно условное, сказалъ солдатъ, и мы должны были опять вернуться и чего-то выжидать. Это меня волновало. Наконецъ, минутъ черезъ двадцать, показавшихся мнѣ вѣчностью, мы вторично подошли къ мосту и на этотъ разъ безпрепятственно перешли на нѣмецкую сторону. Солдатъ пытливо обвелъ меня взглядомъ, но ничего не сказалъ; я открыто смотрѣла на него и онъ очевидно ничего не нашелъ подозрительнаго, ни въ моемъ лицѣ, ни въ фигурѣ и молча пропустилъ меня. На нѣмецкой сторонѣ стражи не было, и я безпрепятственно прошла въ гостинницу, гдѣ уже находились мои вещи. Еврею, несшему мой багажъ и поджидавшему меня тамъ, я дала немного мелочи (меня предупреждали, что щедрость при переправѣ черезъ границу опасна), за которую онъ благодарно снялъ шапку и оставилъ меня одну. Оказалось, что помимо меня было уже заказано мнѣ мѣсто въ омнибусѣ, отходящемъ на станцію къ вечеру, а пока мнѣ предложили занять номеръ.

Въ пограничной нѣмецкой деревенской гостинницѣ. Какой контрастъ между грязью корчмы, гдѣ я провела ночь и которая, казалось, со временъ Григорія Отрепьева не убиралась и не чистилась, какъ бы сберегая «пыль вѣковъ» на своихъ почернѣвшихъ стѣнахъ, и этой нѣмецкой деревенской гостинницей! Въ маленькой комнаткѣ, которую мнѣ отвели во второмъ этажѣ, было тихо и уютно; стѣны были крашены правда простой дешевой масляной краской, но очевидно каждую субботу мылись; кровать и умывальникъ также не заставляли желать ничего лучшаго. Небольшое чисто протертое окошко выходило на рѣчку; вдали въ синевѣ зимняго тумана виднѣлась родная земля, несчастная, изстрадавшаяся, подневольная. Я долго глядѣла въ эту убѣгающую синеву сливавшагося на горизонтѣ неба и снѣжнаго поля и меня какъ-то уже не радовала моя свобода...

Стукъ въ дверь вывелъ меня изъ раздумья. Мнѣ сообщили, что омнибусъ уже готовъ и ждетъ меня, и предложили что нибудь закусить на дорогу. Я съѣла бутербродъ и поспѣшно вышла. Передъ крыльцомъ стояла прекрасная вѣнская двухмѣстная каретка съ кучеромъ и почтальономъ на козлахъ. Я оказалась единственнымъ пассажиромъ этой каретки омнибуса; мое одиночество не пугало меня, напротивъ, я почувствовала себя прекрасно. Сидя удобно на мягкомъ бархатномъ сидѣньи, я задремала, тревоги прошлой ночи и этого дня утомили меня. Поздно ночью я подъѣхала къ одной изъ станцій желѣзнодорожной линіи Эйдкуненъ-Берлинъ и, взявъ билетъ 3-го класса до Женевы, покатила прямо

въ Швейцарію, гдѣ еще такъ недавно я проводила свѣтлые годы моего студенчества, гдѣ у меня было такъ много товарищей и друзей и гдѣ теперь я могла остаться совсѣмъ одинокой.

Пріѣздъ въ Женеву. Поѣздъ пришелъ въ Женеву часовъ въ 8 утра; я оставила на вокзалѣ вещи на сохраненіе и, несмотря на ранній часъ, отправилась въ русскую библіотеку, адресъ которой я узнала у одного изъ группы носильщиковъ, поджидавшихъ обыкновенно приходящіе поѣзда. Я знала складъ жизни въ Швейцаріи и была увѣрена, что даже русское учрежденіе въ этотъ часъ будетъ открыто. Я не ошиблась, библіотека была уже отперта; на столѣ лежала книга членовъ съ фамиліями и адресами.

Профессоръ Драгомановъ, редакторъ «Громады». Перегладывая эту книгу, я скоро отыскала нѣсколько знакомыхъ фамилій, въ томъ числѣ фамилію профессора Драгоманова, котораго я немного знала еще во время моего студенчества, когда онъ вмѣстѣ съ семьей своей путешествовалъ заграницей и посѣтилъ Цюрихъ—центръ русской эмиграціи и студенческихъ кружковъ того времени заграницей. Я была увѣрена, что Сергѣй Кравчинскій, если не былъ раньше знакомъ, то успѣлъ уже навѣрно теперь познакомиться съ Драгомановымъ, и что во всякомъ случаѣ черезъ него я скорѣе розыщу всѣхъ и вся, а потому сейчасъ же отправилась къ Драгоманову. По дорогѣ тамъ и сямъ я встрѣчала русскія лица—мужскія и женскія; это все были молодые, часто худые и истощенные дѣвушки и юноши, представлявшіе рѣзкій контрастъ съ мѣстной упитанной студенческой молодежью, выдѣляясь бѣдностью своего наряда и какой-то не по возрасту озабоченностью взгляда. Встрѣчаясь со мною, они тоже узнавали во мнѣ свою, вѣроятно по моей слишкомъ зимней одеждѣ, и пытливо всматривались. Я отвѣчала имъ привѣтливымъ взглядомъ, я знала, что рано или поздно мы должны встрѣтиться въ тѣсномъ кругу мѣстной русской колоніи. Драгоманова я застала дома; онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за литературной работой—онъ уже оставилъ тогда вмѣстѣ съ профессоромъ Зиберомъ кафедру въ Кіевскомъ университетѣ и издавалъ въ Женевѣ журналъ «Громаду» на малороссійскомъ языкѣ, а также писалъ разнаго рода историческія работы. Жена его, красивая, но очень блѣдная и болѣзненная женщина, полулежала въ креслѣ столовой, куда провела меня дѣвушка—служанка, отправившаяся доложить обо мнѣ «г-ну профессору». Живой, любознательный Драгомановъ пришелъ сейчасъ же и сталъ распрашивать, что творится на Руси, о профессорскихъ кругахъ, о молодежи, о земцахъ; я старалась удовлетворить его любознательность, какъ могла, и у насъ незамѣтно пролетѣло время. Жена его была очень привѣтлива, но говорила мало; она, очевидно, страдала тяжелой болѣзнью, которая отнимала у нея всѣ силы. Она не могла даже присмотрѣть за своей маленькой 8-ми-мѣсячной дочкой, которой на моихъ глазахъ самъ Драгомановъ долженъ былъ перемѣнять бѣлье. Когда я встала,

чтобъ проститься, Драгомановъ и жена его уговорили меня остаться обѣдать, говоря, что къ обѣду придетъ вѣроятно Сергѣй Кравчинскій и кое кто изъ сотрудниковъ «Громады», которые будутъ очень рады познакомиться со мной; а пока онъ предложилъ мнѣ перебраться къ нимъ въ пустую свободную комнату, имѣвшуюся у нихъ наверху. Я боялась стѣснить его больную жену, но она увѣряла, что будетъ рада, что присутствіе мое въ домѣ поможетъ ей забыть ея нездоровье. Я согласилась. Драгомановъ самъ затопилъ каменнымъ углемъ калориферъ, чтобъ согрѣть мою комнату, и я невольно удивлялась мужеству этого человѣка, умѣвшаго мирить серьезную литературную работу съ уходомъ за больной женой и маленькимъ ребенкомъ, стараясь облегчить этимъ приготовлявшую обѣдъ служанку отъ всякой лишней работы. Черезъ часъ я уже устроилась въ моемъ новомъ жилищѣ, обставленномъ съ чисто русской простотой эмигрантовъ того времени: кромѣ жесткой походной кровати, небольшаго некрашеннаго стола и плетенаго стула въ комнатѣ ничего не было, да мнѣ и ничего не было нужно. Небольшое оконце подъ сводчатой крышей моей мансарды выходило въ садъ, вдали виднѣлась чудная перспектива далекихъ горъ, и мягкіе переливы голубого озера радовали взоръ, заставляя забывать все мелкое, преходящее и ненужное. Только бы побольше тепла; я такъ назяблась въ нетопленныхъ европейскихъ вагонахъ, такъ ослабѣла отъ пережитыхъ волненій тюрьмы, суда и ссылки, что не могла согрѣться долго, долго, всю эту зиму.

Галицкій писатель Павликъ сотрудникъ «Громады». Устроившись и скоро переодѣвшись въ моей комнатѣ, я спустилась внизъ, въ столовую и тамъ застала уже въ сборѣ маленькое общество, расположившееся возлѣ тлѣющаго камина. Тутъ было нѣсколько молодыхъ людей, сотрудниковъ и наборщиковъ «Громады» и одинъ господинъ постарше—средняго роста брюнетъ лѣтъ тридцати пяти съ большими очень черными, какими то тусклыми глазами—это былъ Павликъ, сотрудникъ «Громады», извѣстный малороссійскій писатель галичанинъ, очень вліятельный у себя на родинѣ, какъ талантливый беллетристъ и организаторъ многочисленныхъ галицкихъ кружковъ. Онъ былъ гостемъ въ Женевѣ и собирался скоро уѣхать обратно. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ перваго знакомства, онъ съ увлеченіемъ сталъ разсказывать какъ быстро идетъ ростъ національнаго самосознанія въ Галиціи, благодаря воздѣйствію литературы; какъ это не нравится мѣстнымъ помѣщикамъ полякамъ, но какъ они, несмотря на всю ихъ политическую силу въ Австріи, должны мириться съ этимъ непріятнымъ для нихъ фактомъ... Когда онъ говорилъ это, его тусклые глаза загорались и я видѣла, что этотъ вопросъ—религія его жизни. Но меня, русскую, его радость умиляла, но не трогала. Я выросла въ русской деревнѣ и въ Москвѣ, центрѣ великой Руси, я привыкла съ дѣтства слышать и мечтать о чемъ то широкомъ, міровомъ, всепримиряющемъ, а тутъ я видѣла только радость побѣды въ узко мѣстной борьбѣ двухъ близкихъ отпрысковъ славян-

скаго племени, борьбѣ имѣвшей правда серьезные реальные корни въ соціальномъ неравенствѣ мужика-русина, или, какъ выражался Павликъ, русскаго, увѣряя, что русины въ Галиціи называютъ себя русскими, и помѣщика поляка. Но зачѣмъ же борьбу съ этимъ соціальнымъ неравенствомъ переносить на племенную почву, зачѣмъ создавать пропасть между двумя близкими народностями, которымъ въ Австріи слѣдовало бы скорѣе отстаивать свою болѣе широкую рассовую (славянскую), а не узко племенную задачу, такую ничтожную передъ лицомъ всепоглощающаго германизма. Во время этой бесѣды въ столовую вошло еще нѣсколько гостей или лучше сказать обычныхъ посѣтителей Драгоманова; это были также соработники Драгоманова по «Громадѣ» все природные малороссы съ пѣвучей рѣчью и характерной гортанностью выговора. Почти одновременно съ ними вошла и старшая дочь Драгоманова, красивая дѣвочка лѣтъ 14-ти, только что вернувшаяся изъ школы. Послѣднимъ пришелъ Сергѣй Кравчинскій. Я бросилась къ нему на встрѣчу и мы обнялись, не смущаясь присутствующими и зная, что эти люди поймутъ нашу братскую радость и не перетолкуютъ ее. Скоро вошелъ Драгомановъ и всѣ сѣли за столъ. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Драгомановъ былъ веселъ и шутливъ. Я въ первый разъ слушала непринужденную бесѣду этого человѣка въ тѣсномъ семейномъ кругу; его рѣчь дышала жизнью; его широкія историческія познанія придавали бесѣдѣ глубокій, чисто философскій интересъ; но онъ не былъ человѣкомъ принудительно овладѣвающимъ словомъ; напротивъ, онъ каждаго вовлекалъ въ бесѣду.

Метранпажъ «Громады» Хома. Послѣ одного живописнаго разсказа изъ быта средневѣковой Италіи, исторіей которой Драгомановъ только что занимался въ Римѣ, онъ заставилъ своего метранпажа, по имени Хома, разсказать намъ, какъ онъ благополучно объѣздилъ Европу, побывалъ даже въ Парижѣ, нигдѣ не употребляя другого языка, кромѣ малороссійскаго. Это былъ рядъ комическихъ сценъ, заставлявшихъ хохотать всѣхъ присутствующихъ; Хома завершилъ свою рѣчь разсказомъ о томъ, какъ одинъ разъ въ Парижѣ, изъ ложной торопливости, онъ измѣнилъ своему родному языку и прибѣгъ къ языку французскому, но такъ неудачно, что съ тѣхъ поръ закаялся употреблять этотъ собачій языкъ, въ которомъ всѣ слова похожи одно на другое. — Судите сами, говоритъ онъ, я держу въ рукахъ горячіе сосиски, спѣшу домой, чтобъ онѣ не простыли, вспоминаю, что у меня нѣтъ горчицы, забѣгаю въ лавочку и второпяхъ говорю—«mouchard!» Лавочникъ ничего не говоря почти въ шею выталкиваетъ меня; я роняю въ грязь мои бѣдныя сосиски и остаюсь безъ обѣда. Оказывается, нужно было сказать moutarde [1]), а мнѣ на языкъ попало слово mouchard [2]), которое такъ часто повторяютъ наши русскіе за границей... Драгомановъ и его Громадцы сами очевидно

---

[1]) moutarde—горчица.
[2]) mouchard—шпіонъ.

подсмѣивались надъ черезчуръ утрированнымъ украйнофильствомъ, которое принимало на Руси иногда очень комическіе формы. Насколько потомъ я узнала Драгоманова, наблюдая его ближе, это *былъ* не только широко образованный и отъ природы очень умный человѣкъ, но и одаренный очень хорошимъ, очень гуманнымъ сердцемъ; я не могла читать его статей въ «Громадѣ», такъ какъ не легко понимала малороссійскій языкъ, но его бесѣды были всегда полны ума и глубокаго интереса. Правда, Сергѣй Кравчинскій, имѣвшій терпѣніе прочесть первые номера «Громады, наединѣ съ болѣе близкими, какъ чистокровный революціонеръ-соціалистъ, подсмѣивался надъ хохломанствомъ, узкая постановка идей котораго противорѣчила широкимъ задачамъ братства народовъ, лежавшимъ въ основѣ русскаго соціализма, не понимая, что Драгоманова, сжившагося со своими взглядами, не переубѣдишь; онъ щадилъ въ немъ его святая святыхъ и не заводилъ безплодныхъ споровъ.

Отношенія Драгоманова къ революціонерамъ. Но не всѣ представители русскаго соціализма смотрѣли такъ широко на право духовной свободы каждаго и черезъ нѣкоторое время, кажется въ 1881 году, Драгомановъ выступилъ со своимъ страннымъ заявленіемъ противъ русской соціально-революціонной партіи, которое надѣлало въ то время много шума. Меня въ то время не было въ Швейцаріи и я не знаю, какъ это произошло; его заявленія я не читала и не знаю, чѣмъ оно было вызвано, но думаю, что нѣкоторую роль въ этомъ сыграла и нетактичность нѣкоторыхъ революціонеровъ, но въ описываемое время (конецъ 78 и первая половина 79 г.) Драгомановъ очень симпатизировалъ намъ и относился къ революціоннымъ дѣятелямъ съ большимъ уваженіемъ, хотя кругъ его знакомствъ въ этой сферѣ не былъ широкъ. Такъ, не смотря на присутствіе въ это время въ Женевѣ Вѣры Засуличъ, Стефановича и Дейча, я ихъ не встрѣчала у Драгоманова и познакомилась съ нимъ нѣсколько времени спустя, кажется, просто при встрѣчѣ на улицѣ, когда въ первые дни моего пріѣзда въ Женеву Сергѣй Кравчинскій былъ моимъ путеводителемъ, пока я не освоилась съ городомъ.

В. И. Засуличъ произвела на меня сразу очень симпатичное впечатлѣніе своей простотой и безъискуственностью. Она никогда не говорила о своемъ, какъ она шутя выражалась, «подвигѣ» и по натурѣ принадлежала вообще къ людямъ крайне замкнутымъ. Эта замкнутость особенно огорчала открытую натуру Сергѣя Кравчинскаго и онъ иногда съ грустью жаловался мнѣ на это. Когда В. И. бывала въ хорошемъ расположеніи духа, рѣчь ея блистала шутливыми, часто мѣткими замѣчаніями, но иногда она бывала видимо тяжело настроена. «Самокритика заѣдаетъ», увѣрялъ меня Сергѣй. Онъ относился къ В. И. З. съ глубокимъ уваженіемъ, цѣнилъ ея прекрасную натуру, но находилъ, что она человѣкъ очень ограниченнаго круга привязанностей. Она была предана глубоко, безповоротно, на всю жизнь своимъ немногимъ друзьямъ, но въ

ней не было замѣтно широкаго интереса къ человѣческой душѣ вообще.

Сергѣй Кравчинскій заграницей. Чуткимъ отношеніемъ къ человѣческой душѣ вообще въ высокой мѣрѣ обладалъ самъ Сергѣй Кравчинскій и благодаря ему онъ былъ величайшимъ мастеромъ нравственнаго и идейнаго единенія въ революціонномъ мірѣ. Такъ, организація «Земли и Воли», послѣ крупныхъ осеннихъ арестовъ 1878 г., была обязана своимъ возрожденіемъ главнымъ образомъ С. Кравчинскому и Морозову, которые и придали ей тотъ новый яркій характеръ, какимъ запечатлѣлась дѣятельность этой организаціи конца 78-го и первой половины 79-го года, продолженіемъ которой является Липецкій съѣздъ, а затѣмъ потрясшая весь міръ своей борьбой организація «Народной Воли» въ лицѣ ея Исполнительнаго Комитета перваго состава — «Великаго Комитета», какъ выражаются нѣкоторые... Подвергаясь ежеминутной опасности, Кравчинскій оставилъ Петербургъ только тогда, когда поставилъ окончательно на ноги газету «Земля и Воля» и берегъ ее, какъ воинъ бережетъ знамя. Сознательно цѣня нравственное единеніе, какъ величайшій цементъ революціоннаго дѣла, залогъ его преемственности и безсмертія, Кравчинскій скорѣе переоцѣнивалъ, чѣмъ недоцѣнивалъ людей и тѣмъ безсознательно подымалъ ихъ. Такъ, съ какимъ то почти священнымъ поклоненіемъ относился онъ къ изумительному опыту организаціи въ народѣ Стефановича, воскресившаго въ сущности самозванство въ концѣ XIX вѣка; обманъ возмущалъ Кравчинскаго, но изумительное знанье массъ, умѣніе двигать ими восхищало его...

Намѣреніе Кравчинскаго поступить въ высшую военную школу въ Парижѣ. Быть вождемъ народнымъ было всегда мечтою самого Сергѣя Кравчинскаго, и въ описываемую минуту, заброшенный судьбою на чужбину, онъ мечталъ употребить свое время и свои крупнѣйшія способности на изученіе европейскаго военнаго дѣла и собирался, какъ онъ признался мнѣ по секрету, поступить подъ чужимъ именемъ въ высшую военную школу Франціи (Сенсирскую), гдѣ когда то воспиталъ свой геній Наполеонъ I-й. Но судьба немилостива къ намъ русскимъ, или лучше сказать, мы сами не бережемъ, не цѣнимъ и не умѣемъ подмѣчать во время проблески нашего генія.

Участіе въ Герцеговинскомъ и Беневентскомъ возстаніи. Суровыя обстоятельства сковали С. Кравчинскаго, размѣнивая на мелочи его крупнѣйшія боевыя силы; такъ въ 1876 году онъ дрался въ рядахъ герцеговинскихъ повстанцевъ, а затѣмъ участвовалъ въ Италіи въ возстаніи въ Беневенто. Но эти возстанія не имѣли и не могли имѣть тогда мірового значенія и были для С. Кравчинскаго только практической школой для будущаго. Но великаго боевого будущаго дождаться ему не пришлось. Оторванный отъ близкихъ, гордый и щепетильный, Кравчинскій принужденъ былъ зарабатывать кусокъ хлѣба въ Женевѣ тяжелымъ переводнымъ трудомъ. За годъ передъ тѣмъ онъ въ совершен-

ствѣ изучилъ итальянскій языкъ, сидя вмѣстѣ съ товарищами итальянцами въ беневентской тюрьмѣ, и овладѣлъ также языкомъ испанскимъ.

Работы Кравчинскаго. Теперь въ Женевѣ онъ взялся переводить съ испанскаго одинъ очень интересный романъ извѣстнаго испанскаго политическаго дѣятеля Кастелляра, разсчитывая помѣстить его въ журналѣ «Дѣло», издатель котораго Благосвѣтловъ симпатично относился къ революціонерамъ. Сергѣй работалъ со страстью безъ устали, какъ умѣетъ работать только русскій. Онъ надѣялся получить сразу нѣсколько сотъ рублей и осуществить свою мечту о поступленіи въ Сенсирскую школу. Я помогала ему, пиша подъ его диктовку, что почти вдвое ускоряло дѣло. Такъ работалъ онъ безъ передышки. Между тѣмъ, будь онъ менѣе щепетиленъ въ нравственномъ отношеніи, будь онъ только честолюбцемъ, онъ могъ бы сразу прогремѣть на всю Европу, а можетъ быть и повернуть по своему колесо исторіи. Случай къ тому давался ему прямо въ руки черезъ одного изъ товарищей.

Князь Петръ Крапоткинъ. Кромѣ перечисленныхъ мною эмигрантовъ, въ Женевѣ проживалъ въ то время князь Петръ Крапоткинъ; въ описываемое время Крапоткинъ дѣлалъ только первые шаги въ Европѣ и началъ издавать свою газету «Revolté». Это былъ въ то время маленькій листокъ пятисантимнаго типа, который издавалъ Крапоткинъ на свои личныя средства и еще съ трудомъ собиралъ подписчиковъ; каждый новый подписчикъ такъ его радовалъ, что какъ то разъ, я помню, онъ встрѣтилъ на улицѣ Кравчинскаго, и, забывъ поздороваться, безъ всякаго предисловія воскликнулъ:—А знаете, у «Revoltè» есть уже подписчикъ въ Буэносъ-Айресѣ! Но какъ ни была ограничена подписка «Revolté», политическіе дѣятели Европы уже замѣтили князя Крапоткина. Въ самомъ дѣлѣ, Крапоткинъ работалъ съ изумительной энергіей и не только отдавалъ свое время «Revolté», но занимался еще у извѣстнаго коммунара—географа Реклю по географіи Россіи и успѣвалъ также бывать на рабочихъ собраніяхъ и говорилъ тамъ рѣчи, проповѣдуя анархическія идеи. Сь его именемъ начали мало по малу считаться.

Агенты Бисмарка и ихъ предложеніе. Разъ какъ-то Крапоткинъ конфиденціально сообщилъ Кравчинскому, а Кравчинскій по секрету повѣдалъ мнѣ:—Представьте, ко мнѣ явились агенты Бисмарка съ предложеніемъ уговорить кого-нибудь изъ крупныхъ русскихъ революціонеровъ издавать заграницей большую русскую революціонную газету, на которую обѣщаютъ дать большія деньги. Сергѣй Кравчинскій съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и когда Крапоткинъ, не называя Кравчинскаго, передалъ этотъ отказъ Бисмарковскому посланному, тотъ съ изумленіемъ воскликнулъ:—«удивительный народъ эти русскіе, они совсѣмъ не политики, вотъ посмотрите . . . . . [1]), тотъ не постѣснялся взять у

---

[1]) Идетъ фамилія одного изъ самыхъ громкихъ политическихъ дѣятелей въ Европѣ. По понятнымъ причинамъ мы воздерживаемся пока отъ ея напечатанія. *Ред.*

насъ деньги, и поглядите какъ выросла его . . . . . [1])». Да, русскіе революціонеры не политики въ бисмарковскомъ вкусѣ, они не продаютъ себя и не покупаютъ другихъ. А какъ навѣрняка думалъ дѣйствовать этотъ агентъ Бисмарка! Въ то время новая эмиграція была такъ бѣдна, какъ можетъ быть бѣденъ только самый несчастный изъ пролетаріевъ во время крупнаго рабочаго кризиса. Заработки были рѣдки, присылки отъ родныхъ или друзей также рѣдки, и мы дѣлились ими по братски.

Мученическая вѣрность нравственнымъ принципамъ. Да, русскіе революціонеры и европейскіе парламентскіе дѣятели— величины несоизмѣримыя. А будь у С. Кравчинскаго хорошія средства, міръ скоро заговорилъ бы о немъ; у него на это были всѣ внутреннія данныя, но темными средствами онъ пользоваться не хотѣлъ. Русскій революціонеръ стараго народническаго типа, какимъ продолжалъ быть Кравчинскій, несмотря на рѣзкую перемѣну пріемовъ борьбы, нравственный принципъ ставилъ во главу угла своего политическаго credo; онъ былъ ближе къ христіанскимъ рыцарямъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ къ нѣмецкимъ соціалистамъ Лассалевскаго времени. Бисмаркъ могъ дать деньги на русскую свободу только для того, чтобы держать ее въ рукахъ и задушить въ нужное ему время. Нѣтъ, наша свобода, вскормленная родной нищенской сумой, дала и еще дастъ міру много нравственныхъ уроковъ, какъ бы ни старались враги позорить нынѣ ея лучшихъ бойцовъ, разсѣивая съ такимъ трудомъ спаянные кадры народные.

Да, наканунѣ крупнаго удара, готовившагося нашему правительству, Сергѣй Кравчинскій съ презрѣніемъ отвергъ предательскія услуги иностранца и дѣлилъ свое время между химическими опытами надъ какимъ-то новымъ взрывчатымъ веществомъ, матерьялы для которыхъ покупалъ на свои скудныя средства, и литературной работой надъ переводомъ испанскаго романа. Такъ работалъ онъ безъ устали иногда часовъ по шестнадцати въ сутки и, пока я писала подъ его диктовку, онъ шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумыя дальнѣйшія фразы перевода. Дѣло шло у насъ хорошо и дружно; намъ жаль бывало потерять лишній часъ, чтобы идти пообѣдать, и Сергѣй наскоро притаскивалъ изъ сосѣдняго рабочаго ресторана большую миску супа на 20 сантимовъ и хлѣба; мы съѣдали это торопливо, часто стоя, чтобъ согрѣть окоченѣвшія отъ холода руки и ноги.

Образъ жизни С. Кравчинскаго-эмигранта. Мы работали обыкновенно у Сергѣя, въ его комнатѣ нанятой имъ подешевле въ старомъ нагорномъ кварталѣ Женевы съ узкими темными средневѣковыми улицами. Комната была обширная, съ двумя большими старинными запыленными, мелкорѣшетчатыми окнами; входъ былъ черезъ какой-то лабиринтъ сводчатыхъ корридоровъ, гдѣ всегда обдавало запахомъ мшистаго камня. Зима была очень

---

[1]) Идетъ названіе газеты того же дѣятеля. *Ред.*

холодная и въ комнатѣ стояла неимовѣрная стужа. Я писала завернутая съ ногъ до головы въ имѣвшійся у Сергѣя пледъ и все-таки ноги стыли, пальцы коченѣли. Сергѣй рѣдко позволялъ себѣ удовольствіе топить ржавую желѣзную печку стоявшую посреди комнаты: она требовала такъ много дровъ, дрова въ Швейцаріи были такъ дороги и намъ никогда не удавалось вдоволь нагрѣть ее—комната была слишкомъ обширна, это единственная роскошь, какую онъ себѣ позволялъ; ему нуженъ былъ просторъ; шагать взадъ и впередъ по комнатѣ было для него насущной потребностью, это облегчало работу. Въ немъ былъ и другой пережитокъ барства, онъ имѣлъ отвращеніе къ керосиновымъ лампамъ, запаха которыхъ не выносилъ, и завелъ для работы масляную лампу, что обходилось конечно дороже. Въ февралѣ наша работа, обширный испанскій романъ страницъ въ 600 былъ готовъ; С. Кравчинскій отправилъ его въ Россію и принялся за переводъ другого уже итальянскаго романа «Спартакъ», впослѣдствіи напечатаннаго въ журналѣ «Дѣло» уже въ бытность редакторомъ Станюковича. Испанскій романъ такъ и остался въ то время не напечатаннымъ и нашъ трудъ пропалъ даромъ, а съ нимъ и надежда Сергѣя пробраться въ Сенсирскую школу. Этотъ планъ нарушило еще и другое обстоятельство.

Пріѣздъ жены С. Кравчинскаго. Жена Сергѣя — Фанни Личкусъ должна была стать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ матерью, и другъ его Клеменцъ, извѣщая его объ этомъ, сообщилъ, что Фанни хочетъ ѣхать къ нему заграницу и что Клеменцъ съ своей стороны находитъ это необходимымъ и для нея и для Сергѣя. Мы стали ждать Фанни; она на нѣсколько дней запоздала, и Сергѣй тревожился; наконецъ въ концѣ февраля, а можетъ быть и въ мартѣ она пріѣхала очень измученная, несмотря на свое цвѣтущее здоровье. Ея путешествіе, какъ оказалось, далеко не было такъ удачно, какъ мое; она попала при переходѣ границы въ карантинъ, устроенный нѣмцами по случаю чумы (на рогатый скотъ), и ее недомогающую и взволнованную, подозрѣвая въ контрабандѣ, продержали на германской границѣ нѣсколько дней, грозя вернуть въ Россію, и только послѣ усиленныхъ просьбъ позволили ѣхать дальше въ Европу. Почему Ф. Личкусъ, тогда вполнѣ легальная студентка, предпочла контрабандный переходъ черезъ границу, я не знаю, но думаю, что она хотѣла сохранить свое имя политически незапятнаннымъ ея близостью къ эмигрантамъ, чтобы не отрѣзать себѣ возвращенія на родину.

По пріѣздѣ Фанни, Сергѣй нанялъ себѣ другую, болѣе веселую и свѣтлую квартирку изъ двухъ, правда очень маленькихъ комнатъ. Намъ пришлось прервать на время наши общія переводныя работы; одинъ изъ членовъ нашей колоніи эмигрантъ-нечаевецъ, очень симпатичный человѣкъ и хорошій товарищъ, князь Черкезовъ, уѣзжая въ Парижъ для организаціи анархической пропаганды среди парижскихъ рабочихъ, передалъ мнѣ одинъ очень хорошо оплачиваемый урокъ, отнимавшій у меня

нѣсколько часовъ въ день. Я правда продолжала ежедневно посѣщать Сергѣя и Фанни, но уже не для работы надъ переводомъ, къ которому Сергѣй охладѣлъ послѣ неудачи съ романомъ Кастелляра, а для уроковъ итальянскаго языка, которые онъ мнѣ давалъ на досугѣ. Благодаря знанію языка французскаго и отчасти латинскаго, языкъ итальянскій давался мнѣ легко. Вторую половину «Спартака», длительно печатавшагося въ «Дѣлѣ», я переводила въ 1880 г. уже одна и Сергѣй находилъ мой переводъ очень хорошимъ и точнымъ. Сергѣй старался также помочь мнѣ овладѣть живой итальянской рѣчью; такъ онъ постоянно говорилъ при мнѣ по итальянски съ посѣщавшимъ его почти ежедневно членомъ Бакунинской (романской) секціи интернаціонала, товарищемъ Сергѣя по Беневенто—Малатеста.

Это былъ очень симпатичный молодой человѣкъ, съ живой рѣчью и большими выразительными глазами. Я впрочемъ не рѣшалась еще тогда говорить по итальянски и, когда разговоръ оживлялся, онъ неизмѣнно сворачивалъ на языкъ французскій и тогда становился общимъ. Впрочемъ Фанни продолжала недомогать и рѣдко участвовила въ бесѣдѣ. Мои уроки у Сергѣя занимали недѣловые его часы, но и отдыхъ его былъ полонъ труда; такъ, слѣдя за моимъ итальянскимъ чтеніемъ и поправляя мои ошибки въ грамматическихъ формахъ, Сергѣй, не смотря на мои протесты и на протесты своей жены, стоя у камина, стряпалъ обѣдъ, и этотъ учитель мой съ закоптѣлой сковородкой въ одной рукѣ и посудной щеткой въ другой, былъ лучшимъ, какого я когда либо знавала, а моими преподавателями были не только заурядные студенты, какъ водилось встарь, но и лучшіе профессора Москвы, преподававшіе на первыхъ женскихъ курсахъ III гимназіи. Да, хорошее это было время для меня, но я съ тоской и грустью вспоминаю его: Сергѣю съ его изумительными способностями такъ и не удалось выбиться изъ полунищенской жизни, растрачивавшей его гигантскія силы иногда на ничтожные пустяки.

Послѣдній ударъ историческаго кинжала. Одаренный поэтической складкой, а потому временами суевѣрный, Кравчинскій разъ, раскалывая щепки для камина, сломалъ свой историческій кинжалъ, убившій Мезенцева; это былъ итальянскій четырехгранный клинокъ длиною не болѣе 6-ти вершковъ съ цѣльной выкованной ручкой, покрытой тонкой пропаянной проволочной сѣтью. Хрупкая сталь отъ неловкаго удара по твердому сучковатому дереву слабо хрустнула и упала къ ногамъ Сергѣя. Онъ, пораженный, остановился и долго стоялъ молчаливый и мрачный съ опущеннымъ взоромъ.

Картина казни Пасанантэ. Я видѣла Сергѣя такимъ еще разъ: то было во время нашей совмѣстной работы надъ испанскимъ романомъ; захожу въ комнату, онъ неподвижно стоитъ надъ столомъ, я подхожу ближе, онъ шаговъ моихъ не слышитъ, заглядываю изъ за плеча и вижу на столѣ развернутый номеръ иллюстрированнаго журнала; я отшатнулась, на столѣ лежало

изображеніе казни Пасанантэ, недавно передъ тѣмъ осужденнаго въ Мадридѣ и казненнаго какой-то средневѣковой казнью посредствомъ задушенія металлическимъ ожерельемъ, завинчиваемымъ сзади. Лицо казненнаго не было покрыто саваномъ и глядѣло съ картины во всей своей ужасающей реальности. Я молча вырвала эту картину изъ-подъ глазъ Сергѣя и онъ только тогда очнулся. Зачѣмъ смотрѣть такія вещи, сказала я.—Отчего же не смотрѣть, это надо, коротко отвѣтилъ онъ. Вообще, когда Сергѣя не душила работа, онъ нерѣдко бывалъ мраченъ; мы шли тогда куда-нибудь, чаще къ Стефановичу, Дейчу, или Вѣрѣ Засуличъ, съ которыми у насъ все-таки было несравненно больше общаго, чѣмъ съ эмигрантами другого времени, а иногда забирались далеко за городъ. Наступила весна, изъ Россіи писали намъ не всегда хорошія вѣсти. Иногда, не получая своевременно писемъ отъ Морозова, мы волновались съ Сергѣемъ.

Выстрѣлъ Соловьева. Выстрѣлъ Соловьева (2-го апрѣля), для насъ неожиданный, очень взволновалъ всѣхъ. В. И. Засуличъ три дня скрывалась въ тяжелой хандрѣ; она не оправдывала такого направленія дѣятельности; мнѣ порой казалось, что всякій подобный насильственный актъ (покушеніе на Дрентельна и проч.) особенно сильно билъ ее по нервамъ, такъ какъ она сознательно, а, можетъ быть, и безсознательно приписывала себѣ первый шагъ въ этомъ направленіи дѣятельности, явно клонящейся въ сторону активной борьбы съ правительствомъ. Стефановичъ и Дейчъ, равно какъ и другіе эмигранты отнеслись къ выстрѣлу Соловьева несравненно терпимѣе и только замѣчали, что это можетъ помѣшать работѣ въ народѣ. Сергѣй Кравчинскій напротивъ говорилъ, что личный опытъ всѣхъ насъ показалъ, что и раньше сколько-нибудь широкая работа въ народѣ была невозможна, что то, что можно было сдѣлать, сдѣлано, и рабочіе сами могутъ теперь продолжать начатое дѣло пропаганды съ несравненно меньшими жертвами, чѣмъ интеллигенты, а для того чтобъ широко поставить дѣятельность въ народѣ, необходимо добыть хоть minimum свободы политической, свободы слова и союзовъ, и только тогда народъ широкой волной примкнетъ къ соціалистическому знамени.

Сборы въ Россію Стефановича, Дейча, Вѣры Засуличъ и мои. Мы всѣ чувствовали, что назрѣваетъ крупный историческій моментъ, изъ Россіи сообщали, что настроеніе крѣпнетъ, кадры дѣйствующей группы расширяются, звали насъ и обѣщали прислать за нами хорошаго мастера пограничной переправы. Стефановичъ, Дейчъ, Вѣра Засуличъ и я рѣшили ѣхать въ Россію, и чтобъ замести слѣды передъ шпіонами, сняли маленькій домикъ въ горахъ надъ Montreux, въ Les Avants, куда и переѣхали всѣ и, кромѣ насъ, А. Эпштейнъ, Сергѣй и его жена Фанни. Вскорѣ Фанни должна была уѣхать въ Бернъ, такъ какъ ей нужна была хорошая медицинская помощь. Сергѣй видимо волновался и разрывался на части; съ одной стороны ему хотѣлось провести по-

слѣдніе дни съ нами, его друзьями, которыхъ ему быть можетъ не суждено было больше встрѣтить, съ другой, въ Бернѣ была его жена, готовившаяся со дня на день стать матерью. Мы всѣ, люди не семейные, не могли вполнѣ войти въ его положеніе и желали подольше сохранить его для себя. Мѣсяцъ пребыванія въ Les Avants остается и до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ моихъ воспоминаній.

Конспиративныя приготовленія къ отъѣзду въ Россію. Нашъ домикъ въ двѣ небольшія комнаты стоялъ одиноко прилегая къ скалѣ; впереди разстилалась зеленая поляна, а кругомъ тѣсной стѣной окружалъ могучій сосновый боръ. Былъ конецъ мая, воздухъ былъ напоенъ весной, всѣ склоны горъ усѣяны цвѣтущими бѣлыми нарцизами, распространявшими упоительный ароматъ; кругомъ полная величественная тишина природы, которая успокаивала душу, какъ бы отрывая ее отъ земли. В. З. и я, мы занимали одну комнату; съ утра она уходила гулять въ горы, а я часа три писала мои записки о студенчествѣ въ Цюрихѣ и о времени пропаганды организаціи 50-ти на московскихъ фабрикахъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Я спѣшила закончить эту работу до отъѣзда въ Россію. Другую комнату занимали А. М. Эпштейнъ, а днемъ ею пользовались, какъ общей пріемной. Мущины—Сергѣй Кравчинскій, Стефановичъ, Дейчъ спали на чердакѣ, представлявшемъ собою прекрасно провѣтриваемый чистый сѣновалъ. Несмотря на близость горной гостиницы, мы стряпали дома, гостиница намъ была не по карману. Всего больше труда доставалось студенткѣ А. М. Эпштейнъ, которая избѣгала всякой помощи съ нашей стороны, увѣряя, что намъ нужно отдохнуть, что намъ предстоитъ трудный путь, а она остается на мѣстѣ. Все время до обѣда домикъ былъ почти пустъ, но къ обѣду собирались всѣ—кто съ овощами, кто съ фруктами, кто съ провизіей на завтрашній день, которую приходилось запасать внизу въ Montreux; стола не выносили, потому что не было достаточно ни скамеекъ, ни стульевъ, а усаживались на лужайкѣ передъ домомъ и обѣдали по походному, разостлавъ скатерть на травѣ. Въ дурную погоду обѣдали въ кухнѣ. За обѣдомъ каждый дѣлился своими впечатлѣніями, слышались шутки, смѣхъ. Всѣхъ радовала полная безусловная свобода, въ какой мы жили: ни города, ни его стѣсненій, а въ особенности ни духу шпіонскаго, что предвѣщало намъ удачную переправу въ Россію.

Зунделевичъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждали Зунделевича (впослѣдствіи былъ осужденъ по процессу 16-ти на вѣчную каторгу), который уже выѣхалъ за нами и былъ еще занятъ выполненіемъ другихъ порученій. Мы заочно знали его, какъ человѣка очень крупнаго по энергіи, дѣятельнаго и цѣннаго въ организаціи, а при личномъ знакомствѣ, онъ очаровалъ насъ товарищеской простотой, искренностью и задушевностью. Мы сразу стали съ нимъ друзьями. Сергѣй Кравчинскій, проживъ въ Les Avants дней десять, получилъ спѣшную телеграмму и уѣхалъ въ Бернъ. Черезъ нѣсколько

дней мы узнали, что у него преждевременно родился сынъ и проживъ дня два умеръ отъ слабости. Мн были всѣ очень огорчены этимъ. Тревожная переправа черезъ границу два-три мѣсяца назадъ отразилась, быть можетъ, на здоровьѣ матери и на жизни ребенка. Черезъ нѣкоторое время Сергѣй, вмѣстѣ съ женой своей еще слабой, поблѣднѣвшей и грустной, пріѣхалъ къ намъ въ Les Avants. Наше пребываніе въ Les Avants близилось къ концу. Пріѣхалъ Зунделевичъ, и хотя я просила его остаться еще нѣсколько дней и дать мнѣ кончить мою работу, но онъ настаивалъ, что нужно спѣшить, говорилъ, что насъ ждутъ со дня на день.

Обратная поѣздка въ Россію моя, Стефановича и другихъ. Пришлось повиноваться. Дня черезъ два мы, т. е. В. И. Засуличъ, Стефановичъ, Дейчъ и я, простились съ Сергѣемъ, его женой и А. М. Эпштейнъ и утромъ, почти безъ вещей, какъ бы идя на обыкновенную прогулку, пѣшкомъ спустились въ Montreux и оттуда никѣмъ незамѣченные съ первымъ поѣздомъ на Бернъ уѣхали въ Россію. Никто не провожалъ насъ. Сергѣй дошелъ съ нами только до конца обрамленной лѣсомъ дороги и, крѣпко обнявъ каждаго, долго стоялъ одинокій, провожая насъ взглядомъ. «Пусть мнѣ напишутъ, если я буду тамъ нуженъ»,—сказалъ онъ мнѣ—я обѣщала... Но его берегли и не рѣшались вызвать, а кто знаетъ, можетъ быть онъ внесъ бы своей могучей индивидуальностью единеніе и братство въ разбредавшуюся революціонную среду, и на почвѣ нравственнаго единенія сумѣлъ бы примирить крайніе оттѣнки мнѣній въ общемъ дружномъ синтезѣ. Но этого не случилось. Высокая оцѣнка боевыхъ силъ Сергѣя Кравчинскаго затмевала передъ товарищами его изумительную силу нравственную, благодаря которой ему удавалось сближать украинофила Драгоманова, анархиста Кропоткина, шестидесятника-землевольца Жуковскаго, итальянскаго революціонера Каферо и французскаго коммунара Лефрансэ—людей не только различныхъ политическихъ взглядовъ, но и различной культуры. Только нечаевца-Ткачева онъ сторонился, считая въ революціи всѣ жанры хорошими, кромѣ якобинскаго и самодержавнаго. Его всѣ любили, всѣ ему вѣрили. А Сергѣю хотѣлось, очень хотѣлось ѣхать, и не будь съ нимъ за границей больной жены, вся судьба его сложилась бы вѣроятно иначе. Правда, ему, какъ и очень многимъ пришлось бы вѣроятно умереть на эшафотѣ, но развѣ лучше та ужасная смерть, какая выпала на его долю послѣ 17-ти лѣтъ безотраднаго томительнаго изгнанія, въ безплодной тоскѣ по великому дѣлу и въ вѣчномъ исканіи скуднаго куска хлѣба?!..

Сергѣй не поѣхалъ; мы, отъѣзжавшіе, были спокойнѣе и счастливѣе его. Насъ ѣхало, считая Зунделевича, пять человѣкъ сразу. Перебраться была намъ задача не легкая. Мы ѣхали день и ночь безъ остановки, сначала въ третьемъ классѣ, стараясь ни костюмомъ, ни русской рѣчью не обращать на себя вниманіе. Зунде-

левичъ давалъ практическіе совѣты, у него былъ уже опытъ. Пожалуйста, не нахлобучивайте на глаза шляпу, говорилъ онъ намъ, а то мнѣ съ вами будетъ исторія, какъ съ О. Коваликъ, которую перевозилъ прошлую осень. Она такъ конспиративно закрывала лицо шляпой, что ей стали заглядывать уже подъ шляпку и тѣмъ очень смущали меня. Рѣшено было перебраться двумя партіями, сначала я со Стефановичемъ, а потомъ В. Засуличъ съ Дейчемъ. По Германіи, для сокращенія расходовъ, а отчасти и для конспираціи, Зунделевичъ засадилъ насъ въ вагонъ 4-го класса. Вагоны были переполнены рабочими преимущественно еврейскимъ пролетаріатомъ и женщинами торговками, ѣхавшими съ большими корзинами овощей въ ближайшіе города и мѣстечки; дальнихъ пассажировъ было очень немного. Каждый разъ послѣ остановки вагонъ набивался сразу такъ, что дохнуть было невозможно. Зунделевичъ успѣлъ, впрочемъ, какъ-то занять для насъ мѣсто у стѣны, гдѣ поставилъ какой то чемоданчикъ для сидѣнья, котораго я у него раньше не видѣла. Оказалось, онъ такъ спокойно относился къ предстоящей переправѣ, что успѣлъ забѣжать въ магазинъ бѣлья и платья въ Берлинѣ и набралъ тамъ «возмутительно дешево», какъ онъ увѣрялъ, разныхъ воротничковъ, манишекъ, жилетовъ и проч. А вдругъ у васъ все это отнимутъ, шутили мы. «Нѣтъ, это везти не опасно, а вотъ бумаги и книги, за это можетъ нагорѣть и я не знаю, какъ я переправлю и переправлю ли еще вашу тетрадку», сказалъ онъ мнѣ. Я просила дать мнѣ ее съ собой, но онъ наотрѣзъ отказалъ, говоря, что это можетъ сгубить всѣхъ. Проѣздъ въ 4-мъ классѣ очень утомилъ насъ; было неимовѣрно жарко; выходить изъ вагоновъ съ высокими подножками товарнаго вагона было очень трудно, а намъ на дорогу Зунделевичъ запасъ еще въ Берлинѣ соленыхъ консервовъ буйволинаго мяса; это въ свою очередь возбуждало такую жажду, которая подчасъ была неимовѣрно мучительна. Мы шутя говорили Зунделевичу, что онъ нарочно подвергаетъ насъ этому маленькому искусу, чтобы все дальнѣйшее показалось намъ пустяками.

Совмѣстный переходъ границы въ Россію. Дѣйствительно, переходъ за границу произошелъ крайне просто, но совсѣмъ не такъ, какъ перебиралась я изъ Россіи. Было часовъ 5 дня; нарядивъ Стефановича въ еврейскій картузъ и давъ мнѣ покрыться большимъ платкомъ, Зунделевичъ предупредилъ заранѣе, что намъ придется пройти черезъ караулку пограничнаго солдата и что я должна фигурировать, какъ еврейка, не знающая по русски. Стефановичу разрѣшалось говорить, но по возможности съ еврейскимъ акцентомъ. Мы прошли съ версту по опушкѣ молодой березовой рощи, по какой то узкой тропинкѣ, которая привела насъ къ пограничной караулкѣ; мы шли гуськомъ—впереди Зунделевичъ, за нимъ Стефановичъ, за Стефановичемъ я; первый вошелъ Зунделевичъ, непринужденнымъ жестомъ открывъ дверь; посрединѣ пустой деревянной избы стоялъ качаясь на ногахъ очень

пьяный солдатъ и держалъ въ рукахъ—въ одной почти выпитую бутылку водки, въ другой стаканъ. Я замѣтила въ эту минуту, что и у Зунделевича изъ кармановъ выглядывали горлышки двухъ бутылокъ. Солдатъ ступилъ, шатаясь, шага два намъ на встрѣчу, всматриваясь съ любопытствомъ въ лицо Стефановича, а потомъ и мое. Да неужто жъ ты еврей? спросилъ онъ Стефановича. Тотъ не успѣлъ отвѣтить, какъ вмѣшался Зунделевичъ и сказалъ: да что ты не помнишь его что-ль, онъ еще недавно былъ у тебя, это мой родственникъ.—Э чортъ съ вами; на, выпей; и онъ, разливая водку на грязный полъ, подалъ стаканъ Стефановичу; тотъ отхлебнулъ.—Да ты пей все, крикнулъ солдатъ и потрясъ въ воздухѣ бутылкой.—Выпьетъ, отвѣтилъ Зунделевичъ; а вотъ мы тебѣ принесли сладкой, хорошей, не твоей зеленой чета; Зунделевичъ вынулъ изъ кармана бутылку съ какой то красной жидкостью и затѣйливымъ ярлыкомъ; незамѣтно выплеснувъ водку изъ стакана Стефановича, онъ налилъ туда дрянной наливки и подалъ солдату.—«Теперь пусть пьетъ его жена», сказалъ солдатъ, указывая на меня.—Нѣтъ, поспѣшилъ вмѣшаться Зунделевичъ, она больна и не пьетъ. Солдатъ не настаивалъ, а укоризненно посмотрѣвъ на меня, самъ осушилъ стаканъ до дна, всасывая жидкость съ какимъ то присвистомъ.—Ну, ступайте, махнулъ онъ намъ рукой и обнявъ, обѣ бутылки, грузно сѣлъ на скамью у стола. Мы вышли и благополучно миновали всѣ три пограничныхъ кордона, для чего пришлось пройти еще версту или двѣ пѣшкомъ. Мы были наконецъ на настоящей русской землѣ, внѣ пограничной охраны.

Проводивъ насъ на поѣздъ, Зунделевичъ вернулся обратно, чтобы завтра переправить такимъ же способомъ В. Засуличъ и Дейча, что удалось ему также благополучно. Одного онъ не сдѣлалъ, о чемъ я очень жалѣла да и онъ самъ жалѣлъ, онъ такъ и не переправилъ моей рукописи; онъ поручилъ ее тамъ кому-то, разсчитывая скоро еще проѣхать и тогда уже взять ее. Но этого не случилось и рукопись, которую я писала подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго, такъ и пропала. Для меня она была живою памятью прошлаго, послѣдней данью погибшимъ товарищамъ (сурово осужденнымъ по процессу 50-ти), у которыхъ кромѣ меня никого близкаго не было въ то время на волѣ. Но Зунделевичъ естественно думалъ тогда о живыхъ.

О. Любатовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).